

АРКАДИЙ САУЛЬСКИЙ

КРАСНЫЙ ЛОТОС

«Красный Лотос»
превратился бы
в отличный фильм
Акиры Куросавы.

EMPIK.COM

fanzon

Fanzon. Польская фантастика

Аркадий Саульский
Красный Лотос

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Саульский А.

Красный Лотос / А. Саульский — «Эксмо», 2021 — (Fanzon.
Польская фантастика)

ISBN 978-5-04-160632-9

«Сказано, что старшие Духи похищают детей и делают из них безжалостных воинов. В них вселяются демоны, а тела необратимо изменяются заклинаниями...» У Кентаро в жизни была одна задача: защитить свою Бессмертную госпожу. Он потерпел неудачу, но ему дали второй шанс. Шанс защитить свою новую семью. Шанс отомстить предателю. В конце концов, в противостоянии нашествию варваров, разрушающим страну, один Дух стоит больше сотни самураев. К сожалению, легенды молчат о том, что Духи остаются людьми. И они могут любить и ненавидеть. Как и все, только намного сильнее.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-160632-9

© Саульский А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие к российскому изданию	6
Пролог	7
Омоте 1	13
Омоте 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Аркадий Саульский Красный Лотос

Arkady Saulski
CZERWONY LOTOS
Czerwony Lotos© 2021 by Arkady Saulski
Cover © 2021 by Dark Crayon

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира Аренева

© Krzysztof Piersa
© В. Кумок, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Предисловие к российскому изданию

То, что вы держите сейчас в своих руках, – это исполнившаяся мечта.

Потому что именно мечтой всегда было издание моих повестей у наших восточных соседей. Возможность дотянуться творчеством до российского читателя. Возможность передать ему не только этот рассказ, но и те чувства и мысли, что я переношу на бумагу. Именно это с самого начала было одной из целей моих литературных опытов – и сейчас этой цели удалось достичь.

Я когда-то слышал, что математика – это некий универсальный язык. И что откуда бы мы ни происходили, какие ценности бы ни признавали, каким способом ни познавали окружающий нас мир, математика – это то, что связывает и соединяет.

И мне кажется, что и литература – тоже.

Вот обратите внимание – рассказ о фантастической стране, напоминающей средневековую Японию, написанный жителем Польши, попадает в ваши руки и благодаря переводу на прекрасный русский язык доставит вам те же эмоции и поведает ту же историю, что и польскому читателю. И таким образом я как автор некоторым образом вступаю с вами в диалог. И, хотя мы лично с вами еще не встречались, не имели возможности познакомиться иначе, чем через эти слова на страницах книги, – все-таки мы уже знакомимся!

«Красный Лотос» для меня повесть особенная, и поэтому я очень рад, что именно она первой попадет в ваши руки. Конечно, я с любовью отношусь ко всем ранее написанным мною книгам, но именно эта история оказалась той, что родилась – буквально – из внезапного импульса, из мысли, удивившей даже меня самого. Из мысли, что так мотивировала к работе над повестью, заставляла приложить все усилия, определила эту книгу как самую важную для меня.

Ведь «Лотос» – это рассказ не только о войне, чести, любви и непростом выборе. Прежде всего это рассказ о дружбе. Источниками вдохновения для него являлись японская история и мифология – но еще и современная поп-культура, фильмы, музыка, видеоигры. В результате он представляет собой некий синтез даже слишком хорошо известных японцам тем и мотивов, но, надеюсь, с моей помощью они все же заиграют новыми красками. В том числе и для вас.

И таким образом, благодаря российскому изданию этот рассказ о крепкой дружбе становится чем-то большим; это уже история не только Кентаро, но и наша с вами, ведь благодаря ей мы встретимся и в каком-то смысле пообщаемся. И, надеюсь, подружимся. Поговорим, несмотря на то что пока не встречались лично и лично не общались. Все равно поговорим. На универсальном языке литературы. На языке, что нас всех объединяет.

Итак, я приглашаю вас в это путешествие. Путешествие по покинутым крепостям, шумным городам, могучим замкам и мрачным подземельям. Позвольте выразить надежду, что это путешествие доставит вам удовольствие.

И я искренне рад, что благодаря ему мы с вами наконец сможем встретиться.

Аркадий Саульский

Пролог

*Красные листья стекают с деревьев
Лука несут звук мечей
Кровь красит поток
Алым*

ПРОЛОГ

Красные листья стекают с деревьев.
Луга несут звук мечей.
Кровь красит поток
Алым.

Нобунага Отомо проиграл битву, просто еще не знал об этом.

Он всматривался в ход сражения с холма, закусив губу. Самураи в центре построения защищались отчаянно. Звон мечей разносился на многие мили, крики сражающихся и умирающих поднимались к небу. Мангуты давили.

Левый фланг был практически разбит; удар конных мангутских лучников нанес страшные потери в рядах вооруженных копьями яри асигару. Стрелы торчали из пашни так густо, что казались стеблями травы. Трупы лежали вповалку друг на друге, кровь впитывалась в почву, а мангуты все не отходили. Казалось, в колчанах у всадников нескончаемое количество стрел – они все летели к рассыпающемуся строю, заслоняя солнце. Солдаты Нобунаги гибли сотнями.

Справа самураи рубили врага катанами. Кто-то из тамошних командиров решился на безумный шаг и приказал в пешем строю атаковать конницу. Та, шокированная безумством врага, рассыпалась; самураи же своими мечами нодати прорубили кровавый коридор в мангутских шеренгах. Но сейчас командующий мангутов бросил против них свежие силы. И его воины как раз добивали людей Нобунаги.

Генерал даже с холма видел погибающих и раненых. Заметил самурая, ползущего в собственной крови, увидел другого, что выкашливал кровь. В сражении много славы, но сперва надо переплыть кровавый океан.

Армия Объединенных Кланов гибла.

Погиб Тоётомо Нагара, погиб Аритами Такэда. Сам Нобунага видел, как сраженный стрелой падает и гибнет под копытами вражеских коней Нихото Чосокабе, Волк Золота, знаменитый воин, последний из своего рода.

Армия Объединенных Кланов гибла. Мангуты были непобедимы.

Но Нобунага Отомо не желал с этим смириться.

Он взглянул направо и налево. Увидел, как левый фланг практически рассыпается, как мобилизованные копейщики бегут с поля битвы, а мангуты преследуют их. Вздымались сабли и мечи, копыта сбивали вчерашних крестьян. Боги смерти содрогались в экстазе, глотая кровь воинов.

Нобунага знал, что пришел решительный момент битвы. Тот момент, когда он со своей элитной гвардией должен ринуться в бой, пробить себе кровавую просеку в войсках неприятеля, раз и навсегда победить жадного захватчика и выгнать его с островов.

Он глянул на своих людей – они были готовы. К битве. К смерти.

Честь вечна.

– Зенпо-ни! Вперед! – проревел Нобунага.

Его солдаты только и ждали приказа. Пришпорили коней, выхватили мечи.

– Ши! – раздалось ему в ответ. – Смерть!

Пятьдесят всадников рванулись вниз по склону, последние силы Армии Объединенных Кланов. Последняя надежда островов на победу над жестоким завоевателем.

Они мчались вниз по склону так, что земля дрожала под копытами. Врагов внезапно охватил ужас при виде этого отряда дьяволов.

Могучая броня, яркие рогатые шлемы, маски демонов, закрывающие лица воинов. Блеск искривленных мечей. Потные кони.

Ши. Смерть.

Куйо. Истребление.

Они врзались в ряды врага.

Рев оглушал. Мангуты бешено визжали, скошенные мечами и копьями самураев. Многие погибли под копытами боевых скакунов, многие в страхе бросали оружие и гибли под мечами солдат.

Истребление.

Нобунага сек и рубил. Кровь из пробитых артерий брызгала высоко вверх, окрашивала кармином его броню, маску, коня.

Он был генералом последней армии, которая могла противостоять мангутам. Он должен был победить. Должен был спасти острова.

Или погибнуть.

Он рубанул вниз, пробивая дрянной шлем пешего мангута, потом прямым ударом вонзил меч в глазницу следующему.

– Эйко! – прокричал он. – Слава!

И тогда увидел это.

Мангуты с начала битвы имели численный перевес. Трое, может быть, четверо на одного солдата Армии Объединенных Кланов.

Нобунага, видя вокруг горы трупов, был уверен, что перебил не меньше половины вражеской армии, что боги призвали к себе на суд большую часть сил врага.

Но мангутам не было конца.

И вот из-за холма справа вышли следующие легионы. Нобунага увидел штандарты, увидел блеск оружия, увидел командиров.

И среди них – Шугис-хана. Главнокомандующего вражеской армии. Великого вождя захватчиков.

Он шел во главе своих сил. Шел за победой.

И вот тогда Нобунага понял, для чего он был рожден. Для чего его отец овладел его матерью, для чего мать в боли и слезах родила его на свет в замке Такэри на рассвете сорок восемь лет тому назад.

Для этой битвы. Для этой минуты. Для того чтобы он спас Ниппон.

Нобунага пришпорил коня. Крепче сжал рукоять катаны. Рванулся вперед.

– Ваташи-но уширони! – крикнул он. – За мной! Смерть! Смерть!

За ним в атаку бросились и другие самураи. Блеснули мечи, зазвенели луки. Стрелы понеслись к отрядам мангутов.

Шугис-хан носил полную броню и золотую маску, изображающую морду демона.

Воины столкнулись с ревом.

Кони смяли первые ряды, но потом вынуждены были остановиться в людской гуще.

Нобунага снова сек и рубил, пробиваясь все ближе к хану мангутов.

Летела кровь, стонали умирающие.

Но кто-то все же наконец ударил копьём генеральского коня, тот встал на дыбы и сбросил с себя Нобунагу. Генерал тяжело рухнул наземь, однако быстро вскочил и подхватил катану.

Разрубил двух ближайших мангутов, оттолкнул третьего, пируэт, удар, кровь.

Шугис-хан. Так близко!

Нобунага ударил дважды, убил еще двоих. Они все подходили, но в самурая невозможно было попасть. Только блеск железа, кровь и смерть.

– Хан! – выкрикнул воин. – Сразимся!

Хан сошел с паланкина. Встал напротив.

Достал длинную саблю и отогнал прочь своих воинов.

Нобунага убил еще двоих мангутов, перехватил меч и встал лицом к лицу с врагом.

Через минуту должно было решиться будущее Ниппона.

Воины гибли вокруг, земля была липкой от крови. Боги смерти наслаждались алым напитком.

Нобунага Отомо вышел против Шугис-хана. Один из них в этот день станет бессмертным.

Сошлись. Длинная катана Нобунаги против более короткой сабли хана. Они обменивались бешеными ударами, атаками, выпадами, блоками, контрударами. Блестело железо, скрежетала сталь, летели искры.

Нобунага ударил раз и другой, отразил коварную атаку снизу, безошибочно контратаковал, попал! Но его меч не пробил броню врага, отразился от спрессованной бумаги.

Воины пораженно наблюдали за боем, как будто сражались сами боги.

Потому что это и в самом деле сражались боги.

Хан был ловок, быстр и силен, сильнее самурая. Удары не достигали его, каждый раз он парировал их или принимал на твердую броню.

Где-то там вдали гибли воины Ниппона, а мангуты вырезали последних солдат. Но исход битвы решался именно здесь.

Наконец Нобунага почувствовал, что его охватывает усталость. Он знал, что это последний шанс, что потом его ждет лишь смерть от рук варвара.

И он атаковал. В последний раз.

Имитировал укол, потом крутнул клинок вокруг блока врага и ударил. Низко, справа, туда, где хан не мог закрыться.

Но хан закрылся.

Отбил удар, выбил катану из рук Нобунаги, молниеносно контратаковал.

Металл вошел в тело командующего Армией Объединенных Кланов. Рассек его, погрузился в щель в броне по рукоять.

Хан усмехнулся. Выдернул свой клинок.

Кровь ударила вверх густым потоком.

Нобунага рухнул на колени. Кашлянул красным, оперся на ладони, понимая, что жизнь покидает его.

– Хайбоку, – шепнул он. – Поражение.

Упал лицом вниз.

Так умер Нобунага Отомо, последний, кто объединил кланы, последний, кто мог победить мангутов.

Их армия как раз добивала самураев, выжившие бежали в леса и в холмы. На поле битвы остались лишь недвижимые груды тел.

Битва окончилась еще до захода солнца. Шугис-хан пересек поле битвы в паланкине, что несли двадцать невольников.

После того как мангуты ушли, забрав оружие и трофеи, на поле битвы появились женщины.

Они громко рыдали, находя мужей, глядя на изувеченные трупы отцов, сыновей и братьев.

Запах сводил с ума, выжимал слезы из глаз.

Горы тел. Кровь, заливающая землю. Красное солнце.

Мальчик сидел на корточках у одного из тел, сжимая в ладонях меч. Сколько ему было лет? Восемь? Десять? Не больше.

Женщины рыдали в голос.

Кто-то встал над мальчиком. Мужчина с густой седой бородой, с крепким телом. Рослый и сильный.

– Кто ты? Ты труп? – спросил он.

Мальчик поднял голову. В глазах его были горе и бешенство.

– Нет, не труп. Не труп, потому что ты двигаешься. Так кто? Дух? Сейсин?

Мальчик молчал.

Мужчина достал меч, направил острие к горлу ребенка. Но вместо удара осторожно поднял его подбородок.

– Да, точно дух. Кем для тебя был этот человек? Отец? Брат? Дядя? Знаешь, это сейчас все равно. Это его меч?

Мальчик сильнее сжал оружие.

– Убьешь меня, если я у тебя его отберу?

Мальчик угрюмо молчал.

– Убьешь, – подтвердил мужчина. – По крайней мере попробуешь. Это хорошо. Это очень хорошо. Будешь им. Сейсин. Будешь Духом.

Мальчик смотрел на мужчину. Тот спрятал меч.

И забрал мальчика с собой.

Омоте 1

Погибель бессмертных

Вековой клинок, горящий багрянцем.

Молчащие гиганты из камня.

Цветок, что должен расти вечно,

Срезан.

ОМОТЕ 1

ПОГИБЕЛЬ БЕССМЕРТНЫХ

Вековой клинок, горящий багрянцем.
Молчащие гиганты из камня.
Цветок, что должен расти вечно,
Срезан.

Когда тебе шесть лет, весь мир кажется местом, полным добра, магии и чудес. Взрослые для шестилетнего ребенка – это люди, что живут веками и обладают древней мудростью, которая, однако, ребенку непонятна. А история – это просто другое название для мифа и легенды.

Так вот, Акинобу был обычным шестилетним ребенком. И мир для него был добрым и волшебным; но в этот день ему казалось, что волшебство места, где он жил, превысило критическую массу. А люди, что появились в крепости, явно были чем-то большим, чем обычные смертные. Акинобу смотрел на медленно въезжающих в ворота и собирающихся на заснеженном дворе всадников – и ему казалось, что крепость Шу Ну, Ворота Сна, посетили боги собственной персоной.

Почти все взрослые собрались на плацу и сейчас склоняли головы в немом глубоком поклоне. Большинство детей поступило так же, хотя были и такие, кто не сумел сдержать эмоций – вместо того чтобы демонстрировать покорность и уважение, просто во все глаза смотрели на гостей.

А посмотреть было на что. Первыми через ворота прошли пешие копейщики, потом въехали самураи на конях. Все в красных панцирях, на могучих жеребцах, с парными мечами – катанами и вакидзаси – на поясе. Рослые воины, могучие, непобедимые.

Акинобу не мог себе представить, чтобы кто-нибудь смог противостоять таким людям. Даже его отец, хоть и крепкий крестьянин, не имел бы никаких шансов против самурая в красном.

Однако это еще был не конец кортежа, потому что в ворота наконец въехала она, госпожа Шора.

Красный Лотос, как ее звали.

Последняя из Бессмертных.

Мальчик ожидал, что такая великая госпожа прибудет в паланкине, который несли бы два десятка слуг, но вышло иначе. Шора ехала верхом, в седле, по-мужски. Ее одежда была удивительной смесью кимоно и мужского костюма, и еще она была вооружена коротким мечом.

Акинобу еще не вошел в тот возраст, когда обращают внимание на женскую красоту. Красива мать, потому что занимается ребенком и кормит его, красива бабушка, потому что балует и рассказывает прекрасные сказки. Но другие женщины? Девочки не играют с мальчиками, а сестры несносны, вовсе не красивы. И, несмотря на это, мальчик должен был признать: госпожа Шора – самое красивое создание, что он когда-либо видел. Он всматривался в сколотые на ее голове длинные темные волосы, нежную кожу, глаза, слегка подведенные темным макияжем, щеки, чуть подчеркнутые нежным багрянцем.

Да, безусловно, Красный Лотос была самой красивой женщиной в мире.

А рядом с ней ехал воин, тот, которого Акинобу больше всего хотел увидеть, тот, о котором мальчики шептались уже неделю, с тех самых пор, как подслушали в разговорах взрослых известие о том, что госпожа Шора посетит крепость.

Дух.

Стражник Красного Лотоса, с детства предназначенный лишь для одного задания – защиты своей госпожи, безусловного повиновения. Ее жизнь была и его жизнью, Дух не был даже человеком, скорей... инструментом? Нет, наверное, все же оружием. Живым, разумным оружием, стоящим между своей госпожой и ее врагами.

И сейчас впервые Акинобу был просто разочарован.

Потому что он ожидал увидеть самурая, еще более огромного, чем воины авангарда, рослого гиганта в золотой броне.

А Дух выглядел совершенно иначе.

Брони он вообще почти не носил, а одет был в грязно-коричневый плащ и широкий шерстяной платок, закрывающий нижнюю часть лица. На его руках была видна тонкая паутинка кольчуги; она же, скорее всего, находилась и под плащом, но со своего места Акинобу не мог сказать этого наверняка. Кроме всего этого, еще пояс – совсем не богатый. Широкие свободные штаны, высокие сапоги. Единственный меч.

Глаза мужчины все время зорко следили за окружающим, а его черные волосы были связаны в пучок на затылке.

Акинобу был разочарован. Он совсем не так воображал себе Духа. Но Дух выглядел именно так.

Наконец весь кортеж въехал во двор, и ворота за ними закрыли. Делегация клана Секай прибыла на место.

Лучшие годы крепости Шу Ну давно миновали.

Когда-то это была могучая крепость, воздвигнутая на горном перевале меж вершин Сенпу и Сендай. Она защищала дорогу на юг в те времена, когда свою власть укреплял Сын Богов Ундо, великий император. Ундо объединил почти все кланы на островах Ниппона. Не подчинялись его власти лишь семьи с юга. Наглые, амбициозные и вечно бунтующие, они были постоянной занозой для доброго Сына Богов, так что он, вместо того чтобы идти на них войной, поставил несколько крепостей – и в том числе Ворота Сна.

Крепость защищала горную дорогу, а когда на юге случился неурожай, она значительно осложнила контрабанду продуктов с севера. Сын Богов дал кланам возможность сдаться, не теряя чести. Они могли склониться перед императором и отдать свои земли под его управление, тогда их крестьянам не грозил бы голод. Но семьи выбрали бедность и изоляцию.

И именно они привели южные семьи к краху. Потому что, когда с западного континента прибыли первые корабли мангутов, ослабленные южные кланы не смогли оказать им достойного сопротивления. Варвары разбили их вдребезги, крестьян обратили в рабов, а главам кланов пришлось выстраивать дворцы для новых варварских губернаторов провинций. Говорят, что черепа членов этих семей до сего дня глядят пустыми глазницами в зале приемов Кубилай-хана, губернатора Южного Ниппона.

Север же отбивался более яростно, и мангуты не завоевали там столько территорий. А Ворота Сна после кровавой осады были взяты и разграблены – но мангуты не оставили здесь свой гарнизон, бросили крепость, направив все силы наперерез контрнаступлению Нобунаги Отомо.

Сейчас, спустя много лет после битвы, Ворота Сна были все еще полуразрушенными – но в них уже вернулась жизнь. В самой крепости уцелели лишь фрагменты стен и строений, поэтому вокруг главного бастиона быстро выросли крестьянские хаты, а земледельцы занялись возделыванием плодородных рисовых террас, когда-то обеспечивавших пищей служащих в Шу Ну самураев.

Сами мангуты не были заинтересованы в этом сторожевом посту. Битва, которую дал им Нобунага Отомо, хоть и оказалась для них победной, но нанесла слишком большие потери – настолько, что наступления с севера и юга были отложены. И Ниппон получил благодаря этому двадцать лет относительного мира.

Относительного, поскольку после великого Отомо никому больше не удалось объединить кланы. Ведь Сын Богов умер еще в самом начале войны, а Нобунаге лишь чудом удалось убедить даймё объединить силы.

Магнаты были тщеславны и самолюбивы. И в ссоре друг с другом.

Каждый из них считал, что командовал бы лучше, чем Нобунага Отомо, у каждого были собственные, самые правильные соображения о том, как вести войну. А многие вдобавок считали, что мангутов вообще победить невозможно. Мангутов не счесть, поэтому надо сдаться и договариваться.

А потом прогремела битва, и все закончилось.

В Ниппоне воцарился опасный, неустойчивый мир.

А потом острова облетела удивительная новость. Даже до мангутов это известие должно было дойти, но они не предприняли никаких действий.

Новость небывалая, напрямую с самих небес.

Потому что у главы рода Секай, Секая Тонодоро, родилась наконец дочка. И появилась она на свет с благословением самого Мудреца.

Бессмертный ребенок.

Сами боги послали ее, так говорили в городах и деревнях. Это знак того, что милость богов с нами, и уж Бессмертная расправится с мангутами, защитит острова, уничтожит захватчиков.

Девочке дали имя Шора – Красный Лотос.

Пошли сплетни. Говорили – старый Тонодоро не мог ее зачать. Старый Тонодоро – престарелый дед. Ребенок, шептали по деревням и за чаем, от кого-то другого, и, скорей всего, от Седого Пса Ину, от Духа, поклявшегося защищать жену Тонодоро.

Это была ложь, но откуда селянам и горожанам было знать об этом?

Старый Тонодоро вскоре умер, умер и Седой Пес Ину. И мать Бессмертной тоже умерла, и теперь именно Красный Лотос была госпожой рода Секай. А ее защитником – таинственный молодой Дух. Ученик самого Седого Пса.

До сих пор не случалось, чтобы Красный Лотос покидала родовой замок на юге – у самой границы с мангутами, – но она действительно прибыла в Ворота Сна. Прибыла по простой причине.

Именно здесь, в старой крепости, должна была состояться встреча клана Секай и клана Нобунага. О чем должен был пойти разговор? Этого не знал никто, но слухи ходили о свадьбе. Молодой Нобунага Хироши, как говорили, был копией отца. Мужественный, красивый, сильный. Он стал бы идеальным мужем для Бессмертной. Клань объединятся. А потом двинутся на войну против мангутов. Такие ходили сплетни.

У очагов и за чаем.

– Как тебе покои, госпожа?

Слуга даже не смотрел на Красный Лотос, его взгляд был направлен в деревянный пол. Девушка легким жестом дала ему знак выпрямиться и посмотреть на нее. Мужчина выполнил приказ.

Глаза девушки были теплыми и полными симпатии.

– Я и не мечтала о такой прекрасной комнате, – ответила она с улыбкой. – Благодарю тебя за твои старания.

Мебели в комнате не было. В углу находился простой очаг, а за бумажной стеной – спальное место. В такой комнате мог спать любой крестьянин.

Но Красный Лотос была довольна, благодарила его за такие условия.

Кем была эта женщина?! Слуга видел много дам. И всегда это были существа внешне красивые и одновременно отталкивающие своей уродливой душой. Полные тщеславия и презрения, они относились к нижестоящим, как к червям.

Но Красный Лотос была довольна. Благодарила слугу за комнату.

Воистину, ее послали боги.

– Это было честью для меня, о Бессмертная! – Мужчина вновь склонился в поклоне, и Шоре вновь пришлось жестом выпрямить его спину. Она подошла ближе и вложила в его руку две монеты.

– За твою работу, добрый человек.

Слуга поклонился еще раз, потом второй и третий. Затем, поняв, что это все, быстро покинул комнату.

Красный Лотос медленно обернулась.

Мужчина стоял там все это время, в тени. Не двигался и молчал. Но был там, скрытый и тихий. Как дух.

– А как тебе этот дворец, Кентаро? – спросила госпожа Шора.

Мужчина в коричневом плаще позволил себе легкую улыбку.

– Три недели в пути. Сон в палатках или на голой земле. Воистину, это дворец, – ответил он.

Красный Лотос кивнула:

– И я так думаю. Я дала ему два сена. Достаточно ли будет для этого человека? – спросила она. – Не хочу, чтоб меня посчитали скупой. Как бы это выглядело? Госпожа клана Секай жалеет заплатить за хорошо выполненную работу?

– Дав ему два сена, ты сделала его одним из самых состоятельных людей в деревне, госпожа, – ответил мужчина.

Она вновь кивнула:

– Вот за это я и люблю тебя, Кентаро, Дух мой. Ты никогда не теряешь контакта с вещами, о которых я забываю. Хорошо, что ты со мной.

– Всегда, госпожа.

– Но сейчас все же прошу тебя удалиться. Я буду купаться, понимаешь? Пришли ко мне, пожалуйста, Хасаки и Киру. Пусть они мной займутся. Да и сами они заслужили немного отдыха. Это была трудная дорога для всех нас.

– Да, госпожа. – Дух низко поклонился и двинулся к выходу, исполнять поручение. Шаги его были практически бесшумными. Казалось, что он не идет, а плывет в пространстве.

Он покинул комнату и осторожно закрыл за собой бумажные двери. Дух всегда был рядом со своей госпожой.

Кроме случаев, когда госпожа приказала иначе.

Самураи заняли комнаты в нижних частях крепости, а двор Красного Лотоса – в верхних. Крестьяне не удивлялись тому, что кортеж был так велик – конечно, Бессмертная нуждалась в охране. И ей требовалось произвести впечатление на Нобунагу Хироши.

Земледельцы быстро подружились с копейщиками, но с самураями сохраняли осторожную и покорную вежливость. Однако те не были неприятными гостями. Самурай мог убить крестьянина, если посчитал бы, что тот оскорбляет его – даже взглядом или выражением лица, но самураи Красного Лотоса были совсем не такими. Уважительно относились к хозяевам, платили за услуги и не надоедали. Таких гостей бы хоть каждый день!

Акинобу бегал между домами и хатами, разглядывал самураев, копейщиков, коней. Был настолько возбужден, что совершенно забыл об обязанностях, которые поручил ему отец. Да и все равно шла зима, какие там обязанности? Посещение богов было в сто раз важнее!

И в конце концов он сделал такое, за что его отругала бы даже безуданно балующая ребенка бабушка. Акинобу знал все тайные ходы, пути и щели в здании старой крепости. Через многие из них взрослый бы не протиснулся, но ребенок? Да запросто. А Акинобу был очень целеустремлен. Хотел еще раз увидеть госпожу Красный Лотос, богиню на этой земле.

Говорят, что давным-давно Изанагу, богиня дня, и Изанами, бог ночи, гуляли по миру, паря над океаном. И наконец увидели такое место, которое им исключительно понравилось. И тогда Изанами погрузил в воду свое копьё, а из капель, что падали с острия, выросли острова. Так и возник Ниппон.

Акинобу был уверен, что госпожа Шора по прямой линии потомок этой пары богов, благословленная даром вечной жизни от Мудреца. Когда он, Акинобу, умрет от старости, она, бессмертная дама, будет все так же прекрасна и молода, а ее мощь с каждым годом будет расти и расти – пока она сама не станет богиней и своей силой не прогонит диких мангутов.

Поэтому мальчик так хотел ее увидеть. Может быть, вид доброй госпожи пошлет благословение и на него, и на его семью? Может быть, вылечит гниющую ступню отца и зрение бабушки?

Он вскарабкался на наклонную крышу, проскочил по черепице венчающего стену навеса. Добежал до амбразуры чуть выше и протиснулся сквозь нее в башню. Дальше дорога вверх была уже прямая, только избегай слуг и служанок, и доберешься до верхней части.

Мальчик повернул раз и другой, проходя через комнаты, но наконец остановился. Застыл, чувствуя нежный запах чая.

Он отправился вслед за этим запахом, прошел через одну из нижних комнат, чтобы оказаться в помещении с окном на нижний двор.

Здесь царилась тень, полумрак. Солнце освещало эту комнату только раз в день, и то очень ненадолго. А теперь, зимой, тут было почти совершенно темно.

Мальчик ступал осторожно. Он чувствовал отчетливый запах, слышал, как что-то булькает в чайничке.

Замер.

Мужчина сидел в позе лотоса в самом центре комнаты. У его правой руки стояли заварочный чайничек и кубок, наполненный дымящейся жидкостью.

Это был Дух. Он сидел в темной комнате и предавался медитации.

– Входи, мальчик, – сказал он.

Его голос был подобен скрежету стали. С одной стороны, полный силы, с другой – несущий какую-то странную угрозу. Страх.

Так не разговаривает самурай. Так разговаривает убийца.

– Входи, я сказал!

Акинобу очень испугался.

Но вошел в комнату. Обошел мужчину и встал перед ним. Глаза Духа были закрыты.

– Я застал тебя врасплох, господин? – спросил наконец мальчик, стараясь быть храбрым. Он не хотел выглядеть трусом, предпочел изобразить твердость. Особенно перед человеком, в котором он так разочаровался.

– Нет.

– Наверняка застал, – не сдавался Акинобу. – Ты не ожидал меня.

– Я слышал тебя с того момента, как ты взобрался на стену. Слышал, как ты протискивался через амбразуру. Как ты бежал по комнатам и как один раз остановился, опасаясь проходящего слуги. Я слышал каждый твой вздох и каждый твой шаг. Я считал их. Ты сделал семьдесят восемь шагов.

– Но как?..

– Я ведь Дух, ты помнишь? – Мужчина указал место на полу рядом с собой. – Присядь.

Он налил чай во второй кубок, придвинул его к мальчику, сам сделал глоток.

Они сидели молча. Но мальчику не сиделось.

– Господин? – не выдержал он.

– Да?

– Почему ты здесь один? Размышляешь? Медитируешь?

– Угу.

– Раздумываешь над прошлыми битвами? Поединками, в которых ты принимал участие? Боями с могучими врагами?

– Раздумываю, – ответил Дух, – над вкусом идеального чая. И наслаждаюсь им.

Мальчик попробовал чай на вкус. Напиток был теплым, приятным – но идеальным? Чай как чай. Акинобу пил такой каждый день.

– Ты полагаешь, таким должен быть вкус идеального чая, господин? – спросил он.

Дух усмехнулся.

– Есть мудрецы, что скажут тебе – в конце жизни все, что ты когда-то попробовал, будет казаться тебе идеалом, потому что больше тебе этого уже никогда не попробовать, – ответил

он. – Может, они и правы, все же мудрецы. Но мне кажется, что это неправда. Ты знаешь, чем занимаются самураи?

– Конечно! – оживился Акинобу, довольный, что может продемонстрировать Духу свои познания. – Сражаются! За своего господина или госпожу! А когда надо, то и за нас, простых людей. И за Ниппон!

Снова улыбка.

– Хорошо. Но не только этим. То, что ты говоришь, верно. Самурай сражается. Но сражение – лишь элемент, проявление чего-то большего, целого. Так вот, путь самурая – это путь поиска совершенства. Прежде всего в себе. Самурай должен посвящать свою жизнь тому, чтобы идеальным стало все то, что он делает. Да, и сражения тоже. Но и служение. И честь. И все повседневные дела. И, например, заваривание чая.

– Этот чай заварил самурай?

– Этот чай заварил я.

Акинобу грустно покачал головой.

– Я не понимаю, господин, – признал он честно.

Разговор с Духом доставлял ему большое удовольствие – взрослые редко уделяли малышу столько внимания. Даже обычные взрослые, а тут такой великий воин! Но после этих слов мальчик испугался, что мужчина отругает его и презрительным жестом отправит вниз. И, может быть, поручит слугам придумать какое-нибудь наказание.

А вот и нет!

– Не понимаешь, – повторил Дух. – Объясню по-другому. Мудрецы говорят, что в конце жизни все кажется идеальным, потому что единственное, чего хочет человек в конце жизни, это... жить дальше. Жить больше, а раз уж это невозможно, то человек грустит по своим воспоминаниям. По жизни. Потому что то, что мы теряем безвозвратно, кажется нам идеальным – когда его уже нет. Мы начинаем ценить те вещи, которые больше никогда не будут с нами. А тем временем самурай точно знает, что однажды он погибнет. В бою, в поединке или от собственной руки, если запятнает свою честь. И поэтому он знает, что должен постоянно совершенствоваться, ибо знает, что его путь – смерть, а не наивная тоска по прошлому. Теперь понимаешь?

– Да, – радостно согласился Акинобу. – Теперь да! А можно... Можно спросить тебя еще о чем-нибудь, господин?

– Спрашивай.

– Мудрецы тоскуют по уходящей жизни, а путь самурая – самосовершенствование. А каков твой путь, господин? В чем твоя цель?

Дух поднял кубок, выпил глоток чая, отставил в сторону.

– У меня нет никакой «собственной цели».

Акинобу был потрясен.

– Как же это?! Это неправда, господин! – запротестовал он. – Я ведь слышал, что Дух сражается за своего господина... или госпожу. Что он лучший из воинов, способен победить сотню самураев в открытом бою!

– Только сотню? – спросил Кентаро с улыбкой. – А не тысячу?

Мальчик погрузился и замялся:

– Я слышал про сотню.

Дух вновь серьезно посмотрел на мальчика.

– У меня нет цели, – сказал он. – Я и не могу иметь цель, потому что цели бывают у людей. А я всего лишь инструмент, инструмент в руке моей госпожи. Я должен ее защищать, служу для этого.

– Но ведь ты человек, господин! Я же вижу!

– Ну да, у меня есть руки, ноги и голова. Делает ли это меня человеком? Нет, мальчик. Понятие «быть человеком» состоит из многих элементов. Я бы тебе описал, каких именно,

что делает человека человеком, но это тема для другого дня и другого разговора. Может быть, мы его и проведем. А сейчас могу сказать тебе одно. – Он сделал еще глоток чая. – Я знал людей, которые не были людьми. Чудовища в человеческой коже. Настоящие монстры. Они были злыми, испорченными до мозга костей. Жестокими. И они не были людьми, хотя на первый взгляд людей и напоминали.

– Ты убил их? – В мальчике проснулся мужчина.

– Некоторых да.

– А остальных?

– А остальные все еще ходят по земле. Многих из них я даже не встречал и надеюсь, что и ты с ними не встретишься. Не тело делает человека человеком, а то, что у него здесь. – Он указал на голову мальчика. – И здесь, – указал на его грудь, а точнее, на сердце. Потом спокойно допил чай.

Акинобу долго раздумывал над этими словами; наконец допил и свою чашу.

– Я не до конца понимаю это, господин, – признался он, – но я постараюсь понять.

– Постарайся. А теперь иди, возвращайся к родителям. Я знаю, что ты хотел увидеть мою госпожу. И увидишь ее, но в другой раз. Возвращайся к родителям.

– Слушаюсь, господин!

Мальчик встал и поклонился, имитируя поклоны крестьян Красному Лотосу, когда та въезжала в крепость. Кентаро лишь кивнул ему.

Выходил Акинобу все же медленно, то и дело оглядываясь на Духа, который, судя по всему, выпил весь чайник.

– Понравился ли тебе чай, господин? – спросил он еще напоследок.

– Да, – ответил Дух, – но все же это был не идеальный чай.

Когда Акинобу добрался до дома, было уже темно. Зимой солнце быстро скрывалось за горами.

Он снял сандалии перед входом и беззвучно вошел в дом. Думал, что двигается тихо. Представлял себе, что он – Дух.

Отец сидел в главной комнате. Сидел на полу в странной, но явно удобной для него позе, с поджатой под себя правой ногой и выпрямленной далеко вперед левой. Он снова вырезал очередную статуэтку Мудреца – полного пожилого мужчины в кимоно, сидящего в позе лотоса и созерцающего вселенную. Вот только статуэтки отца не изображали Мудреца спокойным, тихим, благообразным старичком, вовсе нет! Изображали они мужчину с лицом, искаженным гневом. Мудрец, возникающий под резцом отца, всегда был воплощением ярости.

Ступня отца гнила. Была опухшей, покрытой красноватыми и зеленоватыми ранами. Но сейчас было еще не так плохо. Летом, когда становилось тепло, она причиняла отцу настоящие мучения. Не помогали любые количества sake.

Сейчас отец тоже пил sake. Он всегда пил, когда вырезал фигурки Мудреца.

– Ты вернулся, – горланно бросил он Акинобу.

– Да, отец. – Сын остановился и поклонился. Ожидал выговора, но не получил его.

– Хорошо. Берегись самураев, сын. Они опасны. Берегись.

– Да, отец. Но самураи... Госпожа Красный Лотос, я видел ее!

– В самом деле?

– Да!

– И какая она?

Мальчик заколебался.

– Красивая, – ответил он все же правдиво.

Тогда отец удивил его.

Улыбнулся.

– Твоя мать тоже была красивой, знаешь?

– Да, ты говорил, отец.

– Ты похож на нее. Иди сюда, скажи, нравится тебе этот Мудрец?

Акинобу приблизился, поморщившись от запаха гниющей ступни отца.

– Да, – опять правдиво ответил он. – Но Мудрец сердится. Как всегда.

– Он зол, это правда.

– Почему?

Отец на минуту задумался.

– Наверное, потому, что я не верю в то, что рассказывают монахи, – ответил он наконец. –

Не верю в то, что Мудрец всегда только радовался и улыбался. О нет! Наверняка он бывал и зол. Эту-то правду я и хочу передать людям.

– Да, он бывал зол. Но ведь он был и Бессмертным, верно?

– Да. Первым Бессмертным. Раньше лишь боги были бессмертны, но потом родился Мудрец, первый бессмертный человек. Он был мудрым, а через много веков стал еще одним богом. И посылал благословение другим людям, делая и их Бессмертными.

– Госпожа Красный Лотос. Она ведь Бессмертная.

– Это на самом деле плохо, – неожиданно заметил отец. – Даже Бессмертного можно убить.

– Почему ты так думаешь? – спросил Акинобу озадаченно.

Отец пожал плечами, отпил sake.

– Потому что это правда! – ответил он. – Чтобы убить Бессмертного, нужен всего лишь Алый Клинок.

– Алый Клинок?

– Да. Не знаю, боги ли послали их на землю. Некоторые говорят, что это демоны куют их в подземных кузнях, далеко, на вершинах проклятых гор. Но я в это не верю.

– А во что веришь?

– В равновесие. Клинки существуют, потому что существуют Бессмертные. И они не творение демонов, потому что ведь жили уже Бессмертные, что были злыми, жестокими, подлыми. Не каждый Бессмертный – воплощение Добра. Нет. Клинки просто существуют. Объяснения этому нет.

– Но ведь... это просто бессмысленно!

– Верно. Не у всего есть смысл.

– А смерть мамы? – выпалил мальчик не раздумывая. – У нее был смысл?

Отец вздрогнул, резец замер в его ладони. С минуту казалось, что мужчина вот-вот бросится на Акинобу и отлупит его до полусмерти. Но в конце концов он расслабился. Повернулся к сыну.

И улыбнулся.

– Да, смысл был, – сказал он, – потому что, хоть она и умерла, появился ты.

Резец возобновил работу.

Поскольку отец замолчал, это значило, что нужно было с ним попрощаться и готовиться ко сну. Бабушка уже наверняка спала.

Акинобу собрался выйти в другую комнату, но его остановил голос отца.

– Запомни одно, сын, – сказал он. – Красный Лотос – добрая госпожа. Но это не значит, что она не приведет к нам зло. Бессмертные часто причиняют другим зло, хоть и пытаются творить добро. Запомни это, сын.

Он запомнил.

Заходящее солнце было цвета огня. Потом цвета крови.

Нобунага Хироши сидел у входа в свой шатер и наблюдал сперва за диском солнца, а потом за хлопьями снега, падающими с неба.

Выпил глоток чая.

Ниже, в долине, его самураи разбивали лагерь. Если бы не горы, то на горизонте наверняка бы уже виднелись башни и косые крыши Ворот Сна.

Но это были горы, и видны были лишь скалы, долины, растущие из щелей карликовые скрюченные деревца.

Слух господина Нобунаги уловил приказы, что громко раздавал Ну Бу. Гигант даже в столь безлюдном месте приказывал остальным самураям и мобилизованным асигару проявлять бдительность и быть наготове. Старый добрый Ну Бу всегда оставался воином.

Хироши выпил еще глоток.

Услышал скрип снега, обернулся.

Ну Бу шел к своему господину.

Это был огромный мужчина, гораздо выше и крепче всех остальных. Он был так громаден, что его настоящим отцом некоторые считали всамделишного гиганта, огра, которому будто бы мать воина отдалась, когда старый Ну уехал в очередной раз на войну.

Нобунага был уверен, что так оно и было.

Потому что Ну Бу во всех отношениях походил на настоящего гиганта. Был здоровенным, сильным, воинственным, но также невероятно жестоким и вспыльчивым. И невероятно глупым.

Даже боевого коня для него пришлось растить специально под его рост, и конь был также огромен. Вместе на поле битвы остановить их было абсолютно невозможно. И еще одна черта была у Ну Бу, особенно ценимая господином Нобунагой.

Он был фанатично и безусловно преданным.

– Люди готовятся ко сну и делят дежурства, – доложил он, кланяясь Хироши. – Тебе не придется об этом заботиться, господин.

– Благодарю, Ну Бу, – спокойно ответил Нобунага. – Окажи любезность, присядь со мной и выпей чая.

– Как пожелает мой господин.

Даже сидя, Ну Бу был выше многих людей.

– Как тебе эта местность, дружище? – спросил Хироши, подавая самураю чашу с зеленым чаем.

– Я вижу снег и горы. Ничего более. А ты, господин?

– Я вижу великое будущее.

– Бессмертная?

– Да.

Ну Бу кивнул.

Они уже много дней ехали на встречу с Красным Лотосом, и уже вскоре должны были наконец познакомиться с легендарной госпожой. Первая Бессмертная за века. Сможет ли она изменить ход войны с мангутами?

Ну Бу очень хотел убедиться в этом. Убедиться и лично встретиться наконец с дикарями в бою. Умиротворение нелояльных подданных и приведение к покорности бунтующих кланов уже не доставляло ему такого удовольствия, как раньше. Он мечтал о новом противнике. Новом вызове.

Мангуты подходили идеально.

Но господин Нобунага был спокоен.

– Ты помнишь, что мы должны делать? – спросил он вассала.

– Конечно, господин!

Хироши отставил в сторону свой чай. Поднялся.

– Отдыхай, Ну Бу, – сказал он. – Завтра важный день. Может быть, самый важный во всей истории Ниппона.

Гигант поклонился, когда Хироши прошел мимо него в свой шатер.

Внутри мужчина размял ладони. Подошел к стойке со своими мечами.

Это было красивое, искусно сработанное оружие. Цубы, гарды обоих мечей, были выполнены в виде двух карпов среди пенящихся вод реки. Рукояти мечей охватывала красная лента.

Нобунага поднял большой меч, осторожно вынул из ножен.

И взгляделся в Алый Клинок.

Монахи культа Мудреца говорили, что сотворение мира каждое утро начинается заново. Красный Лотос – после отличного сна этой ночью – была уверена, что они правы.

Служанки неторопливо помогали ей надеть алое кимоно, расчесывали и укладывали ее блестящие волосы цвета воронова крыла. Потом проводили ее в банную комнату, где уже ждала ванна, наполненная белизной – горной водой, смешанной с теплым молоком. На поверхности плавали лепестки роз.

Служанки сняли со своей госпожи кимоно, но войти в ванну уже не помогли. Шора отправила их прочь вежливым жестом и вошла в ванну сама, погружаясь в воду по шею.

Да, вот так. Пар, тепло, мягкое прикосновение жидкости, ласкающее каждый дюйм погруженного тела. Да, монахи точно были правы – Красный Лотос знала, что сейчас ее бессмертная оболочка рождается заново.

– Ты здесь? – спросила она в пространство. – Дух мой?

Да, конечно же он был здесь. Стоял за бумажной стеной, в предбанничке. Слышал все, что делала его госпожа, но не видел ее. Тело Красного Лотоса, ее красота и интимность мгновения принадлежали только ей одной, и доступа к ним он не имел. Не имел и не хотел иметь.

Это принадлежало ей. Так же как и он.

– Да, Бессмертная, я здесь, – ответил он. – Я рядом всегда, когда нужен тебе.

Она знала, что это правда. Воин, Дух. Она понятия не имела, кто он – знала только то, что однажды Седой Пес привел его в замок отца и объявил, что мальчик будет обучаться, чтобы защищать потомков рода. Потом родилась она, но еще долго не видела мальчика, слыша только рассказы о нем. И когда наконец его представили ей и объявили, что он принадлежит ей и будет ее Духом, она даже растерялась. Потому что не видела ни предмета, как ей было предписано воспринимать его, ни тем более воина. Видела только мальчика чуть старше ее, вооруженного, внимательного, молчаливого. И послушного.

С этого момента он сопровождал ее практически всегда. Стоял сзади или за дверью, если только она его специально не отсылала прочь.

Ее фрейлины утверждали, что Кентаро, как его звали, не ест и не спит никогда, всегда оставаясь начеку. Шора знала, что это не так. Кентаро ел, как и все остальные, но вот со сном, да, дело было действительно сложнее.

Смыслом и целью жизни Духа является защита и служение, и ничего больше. Боевое искусство, мастерство убийства и, что вытекало из этого, строжайшая дисциплина, даже более строгая, чем у самураев или страшных, нападающих из сумрака бойцов шиноби. И именно благодаря многолетнему обучению строжайшей дисциплине Дух мог не спать, а лишь погружаться в короткие, восстанавливающие тело и разум периоды медитации.

Интересно, медитировал ли он сейчас, когда она принимала ванну, или же оставался бодрым?

Она знала Кентаро достаточно хорошо, чтобы понимать, что одно не исключает другого.

– Как ты думаешь, каков он?

– Господин Нобунага?

– Да, расскажи мне, что ты думаешь, Дух.

Минута тишины. Дух взвешивал про себя, чем может, а чем не должен делиться со своей госпожой. Он всегда так делал, хотя уже много лет как они не были просто госпожой и ее инструментом, а были еще и друзьями. Шора не могла и не хотела видеть в этом ближайшем спутнике ее жизни всего лишь предмет – тем более что он когда-нибудь умрет, пусть хотя бы и просто от старости, а она будет жить и получит очередного Духа. И будет ли этот, следующий за ним, в ее глазах тоже человеческим существом, достойным уважения, симпатии, даже дружбы? Или же бессмертие к тому времени так исказит ее восприятие, что она потеряет человечность? Она не хотела этого, но боялась, что так может случиться, и потому обещала себе, что пока ее чувства еще человеческие – будет относиться к Кентаро и другим, кого повстречает на своем пути, так, как хотела бы, чтобы относились к ней самой.

– Будто бы он великий воин, как и его отец, – начал наконец Дух. – Желает добра Ниппону, спасения наших земель.

– Да, это благородные устремления. Но ведь бывает и так, что даже наибольшее добро в глазах многих оправдывает причинение страшного зла?

– Мне трудно ответить на это, госпожа.

– Мне тоже, по крайней мере на сей момент. Завтра, да, завтра мы убедимся, доброе или злое создание этот господин Нобунага. Завтра, когда мир вновь переродится после ночи. Ты согласен со мной, Дух?

Она практически увидела его улыбку.

– Не смею не согласиться с тобой, о Бессмертная, – ответил он с преувеличенной скромностью.

Это была их, и только их внутренняя шутка, связывающая как ни с кем иным, – она повторялась всегда, когда Кентаро чувствовал, что госпожа неспокойна, волнуется о будущем, не уверена, чего ждать. Она что-то говорила и спрашивала, согласен ли он с ней, а он иронично сгибался в поклонах, заверяя, что Бессмертная абсолютно права, даже когда она и несла полную чушь.

Эта их шутка, отработанная и повторяющаяся годами, все еще веселила их самих. И была абсолютно непонятной для каждого, кто имел случай ее наблюдать.

Она позвала служанок и встала из ванны. Ее быстро окутали полотенцами, а потом принесли кимоно. Она бросила взгляд на бумажную стенку, за которой тихо и послушно стоял ее Дух. Хотела что-то сказать, но передумала, улыбнулась служанкам и жестом велела переходить к следующей части утреннего туалета.

Когда они въезжали в Ворота Сна, падал снег. Именно поэтому так мало крестьян вышло нам поклониться, подумал Нобунага Хироши, глядя на небольшую, согнувшуюся в поклоне группу на пути их движения.

Да, конечно, только поэтому.

Они въехали в полном боевом облачении, желая произвести наилучшее впечатление на кортеж Красного Лотоса, показать, насколько важна эта встреча. Возможно, важней и не бывало.

Во главе кортежа ехал Ну Бу на своем гигантском скакуне. В полной броне, в шлеме, украшенном огромным нашлемником, в маске демона, с боевым копьём в руке – могучий самурай выглядел как призрак, явившийся сюда с самого дна подземных краев. В левой руке он держал штандарт рода Нобунага – на золотой ткани красовался округлый черный мон клана.

За ним в ворота въезжали самураи. В конном строю, одетые в черно-золотые полные доспехи и вооруженные, они выглядели не хуже, чем Ну Бу. Потом шли лучники с повязками на лбу, мобилизованные копейщики яри, и, наконец, стрелки с длинноствольным огненным оружием – дубинки смерти, взрывающиеся огнем, ружья, летающие маленькие снарядики, что могли пробивать даже самые твердые панцири. Мангуты опасались этого оружия, не пони-

мали его – кони пугались при звуках выстрелов, а доспехи из спрессованной бумаги не могли задержать маленьких, даже смешных пулек. Поэтому, когда мангуты захватывали ружейную фабрику, всегда сжигали ее дотла, оборудование уничтожали, а ремесленников казнили долго и жестоко на страх другим – вот чем заканчивается изготовление дьявольского оружия!

Приведя в Ворота Сна своих стрелков, Нобунага отчетливо дал всем понять, что не просто не боится гнева захватчиков, но и готов с ними сражаться всеми доступными методами.

Кортеж объехал главный плац полуразрушенной крепости и наконец остановился у массивных ворот, ведущих внутрь замка. Хироши разглядывал деревянную конструкцию с высоты седла – гордый, сильный, неприлично, прямо не по-мужски красивый. Может ли у воина быть такое доброе и нежное лицо, думали все еще согнутые в поклоне крестьяне. С другой стороны, осанка, доспехи, два меча за поясом, все показывало, что это самурай из самураев, живой и настоящий. Но это лицо – почти мальчишеское, миролюбивое... Испугаются ли мангуты этого лица так, как боялись суровой внешности его отца?

Наконец ворота понемногу отворились, а изнутри, ступая плавно, словно дух, почти плывя над землей, выступила она. Великая госпожа, хозяйка древнего рода. Бессмертная.

Красный Лотос.

От ее красоты у Хироши захватило дух – бледное лицо, розовеющие щеки, темные волосы, сколотые несколькими шпильками. Темно-алое кимоно, вышитое нежными волнистыми узорами, как будто на теле госпожи Шоры бурлил огонь или океан крови.

Она вышла в сопровождении своих самураев, одетых в красные доспехи, а также ступающего за ней в двух шагах Духа. Встала перед Нобунагой Хироши и поклонилась.

– Господин мой, я так рада, что ты прибыл на нашу встречу, – сказала она. – Позволишь ли мне помочь тебе спуститься с коня? Приготовить тебе отдых после долгого тяжелого путешествия?

Он ничего не ответил. Лишь усмехнулся. И протянул к ней ладонь в латной рукавице.

Она приняла его руку, а он перебросил ногу над спиной коня и встал на землю прямо перед ней.

«Я стою перед Бессмертной, – подумал он, все еще не веря, что это происходит наяву. – Вот она, одаренная богами наивысшим из даров, та, которая никогда не умрет, и просто помогла мне спуститься с седла, как и положено делать женщине, когда ее мужчина возвращается с дороги. Предлагает мне, по обычаю, устроить отдых, приготовить чаю и еды. О боги, воистину Ниппон сегодня перевернулся кверху дном!

Но может быть, и нет? Ведь если и есть что-то, равное богам, то этим чем-то может быть только уважение вековых обычаев и традиций».

– Счел бы за честь, госпожа моя, – ответил он медленно, – если бы ты приготовила для меня теплого чая. А затем с радостью приглашу тебя на прогулку по стенам и галереям этой крепости. Думаю, эта прогулка будет бесценной. Нам о многом нужно поговорить.

– Воистину, господин мой. Мы проведем вместе много времени.

Свадьба! Крестьяне были так возбуждены, что пересказывали слухи, не стесняясь даже самураев господина Нобунаги и Красного Лотоса. Свадьба, в нашей деревушке будет свадьба! Свадьба – тархтели прачки, свадьба – базили старики, свадьба – напевали дети. В домах, на огородах, на улицах, в коридорах и банях только и было разговоров, что о свадьбе.

Вчера госпожа Шора приветствовала господина Нобунагу согласно обычаю, с тем, чтоб потом приготовить ему еды. Потом он пригласил ее на прогулку по уцелевшим стенам, рассказывая о достопримечательностях и описывая историю этого места и своего рода. А для чего бы им ходить на прогулки и вести беседы, как не для того, чтобы сойтись поближе? Великий господин Нобунага возьмет Красный Лотос в жены, а потом вместе произведут на свет потомка

богов, бессмертного ребенка, который станет новым императором и спасет народ от мангутов! Что за прекрасная новость!

Акинобу слушал эти сплетни, не веря им до конца. Мальчик не мог понять, с чего бы ребенку Бессмертной и обычного мужчины передались именно ее черты, а не его. А что, если мальчик у них родится обычный? А что, если – страшно подумать – и вообще это будет не мальчик, а девочка, недостойная божественности?

Он не знал, что и думать. Но к счастью, был один человек, который знал абсолютно все и имел ответ на любой вопрос. И этим человеком, разумеется, была его бабушка!

Раньше положенного он покинул двор – не до кормления кур сейчас! – и побежал в дом. Его бабушка, старушка сморщенная, сгорбленная и слепая, как всегда одновременно готовила и убиралась. Знала в доме на ощупь каждый уголок, каждый предмет, каждый дюйм тканей и бумаги, и зрение ей было не нужно для нормальной жизни. Но из дома она уже много лет как не выходила.

– Баб, баб!

Она повернулась к нему от кипящего горшка, улыбаясь, но сразу посерьезнела.

– Сандалии! – заскрипела она. – Ты не снял сандалий! Сколько раз тебе повторять? И без того каждый день полно уборки!

Акинобу сжался, ругая себя не столько за грязь в доме, сколько за то, что забыл – у бабушки отличный слух, и она, хоть и слепа, легко услышит деревянный стук.

– Извини меня, бабушка, – ответил он подчеркнуто послушно, – но я просто очень спешил, честное слово!

– А куда тебе так срочно?

– К тебе!

– Хм?

– У меня вопрос, ответь, пожалуйста! У меня вопрос! А когда ответишь, то обещаю, что сам все за собой приберу!

– Вопрос?... Хмм! Хмм! Ну ладно, детка. Иди сюда, садись вот тут, наверняка кушать хочешь. Ешь и спрашивай.

Бабуля быстро впадала в гнев, но так же быстро гнев ее и покидал. Она указала ему место у циновки, а потом потянулась к миске и горшку. Налила супа, вложила туда сваренное вкрутую яйцо, кусочки разваренной ароматной курицы, зелень. Выставила все это на стол перед мальчиком. Акинобу схватил ложку и начал с огромным удовольствием поглощать суп.

– У тебя был вопрос, – напомнила ему бабушка.

Мальчик оторвался от супа. С трудом.

– Говорят, в крепости будет свадьба! – бросил он.

– Свадьба? А кто это там будет жениться? Ты?

Мальчик энергично покрутил головой:

– Да нет! Госпожа Красный Лотос и господин Нобунага! Говорят, у них будет ребенок, бессмертный потомок! Это правда?

Бабушка на минуту задумалась, качая головой, водя слепыми глазами то в одну сторону, то в другую.

– Нет, – ответила она наконец.

И ничего больше не добавила.

Акинобу, однако, не был готов довольствоваться таким простым и коротким ответом.

– Нет и... и что?

– Ничего. Просто ничего.

Бабушка, видимо, все же почувствовала, что внука такой ответ нимало не удовлетворит, поэтому после паузы продолжила:

– Ты знаешь, кто такие Бессмертные?

– Конечно, папа рассказывал!

– Тогда ты знаешь, что Бессмертный – это тот, кого таким хотят видеть боги. Бессмертный рождается из их милости и благословения. Только так. Двое людей не могут без воли богов на то родить Бессмертного. Это невозможно. Разве что боги так захотели бы. Но они не захотят.

– Откуда ты знаешь? Почему так уверена?

– Потому что у богов есть собственная воля и они не любят, когда их заставляют. Можно их попросить, так, как мы просим в храме. Но свадьба смертного с Бессмертной? О нет. Они воспримут это как издевательство над их волей. Вот ты сам, Акинобу, предпочитаешь, чтоб бабушка тебя просила... или заставляла сделать что-то по дому?

– Конечно чтоб просила! – быстро ответил мальчик.

– Вот видишь? И в этом ты похож на богов, – завершила она объяснение и погладила его по голове.

Мальчик покивал головой и вернулся к горячему ароматному супу. Однако бабушка не отходила, правильно понимая, что это был не последний вопрос.

– А... – начал снова Акинобу. – А животное может быть бессмертным?

– Почему бы и нет, если такова воля богов, – ответила старушка. – Есть ведь Саги, Бессмертная Цапля, которая восхитила Мудреца, и он сделал ее богиней всех животных. Или Белый Тигр Бьякко, покровитель воинов и охотников. И есть еще Красный Конь, Акаи Ума, которому поклоняются мангуты. Акаи Ума был скакуном одного властительного господина, но тот так плохо к нему относился, что конь сбросил его со своей спины. Но обычного непослушания ему было мало, потому что ненависть уже глубоко проникла в его сердце. И когда его господин приказал своему первенцу самому сесть на коня, чтоб раз и навсегда его обуздать, конь сбросил его сына так, что тот сломал себе шею и умер. И тогда господин приказал убить коня и пустить на колбасу, но боги видели страдания и гнев скакуна и сделали его Бессмертным.

– Почему? Почему они создали что-то настолько злое?

– Злое? Ну, может быть. Но не только злое. Боги создали все на земле и поэтому хотят, чтобы люди оказывали уважение их работе. Для того и создан был Акаи Ума, чтоб человек уважал животных так, как уважает себя сам. Но Красный Конь – это страх, гнев и чистая ненависть. Он будит восхищение, но и ужас. Так же как и мощь мангутов. Оттого и почитают они именно это божество.

Акинобу долго над этим размышлял, но наконец покивал головой и вернулся к супу. Вопросы у него явно кончились, так что бабушка еще раз потрепала его по волосам и продолжила свои занятия.

– Ешь, – шепнула она, – ешь. Приятного аппетита, мой ты божий потомок.

Гонец был покрыт пылью и кровью. Грязь липла к копытам загнанного коня, когда тот влетел через южные ворота, пару раз, замедляясь, сделал круг по площади и, наконец, остановился, тяжело дыша.

Мужчина – без шлема, в помятых доспехах – соскочил с седла, даже не дожидаясь слуг. Сразу побежал ко входу в главную башню.

– Госпожа Шора! Я должен ее найти, немедленно! – крикнул он остолбеневшим стражникам.

Появился самурай, выслушал доклад гонца, после чего, не теряя времени, повел его наверх – туда, где госпожа Шора делила трапезу с Нобунагой.

Как только гонец увидел Бессмертную и владетельного господина, упал перед ними ничком.

– Госпожа, я прискакал так быстро, как только мог! Прости, но это все равно слишком медленно... слишком медленно...

Бессмертная встала, подошла к гонцу. Дрогнула, увидев пыль, поврежденные доспехи. Кровь!..

Присела рядом и осторожно подняла ладонями его голову.

– Не бойся! – сказала она тихим, спокойным голосом. – Ты образцово выполнил свой долг.

Говори, что ты должен мне передать. Что случилось?

– Госпожа... Мангуты... пересекли границу! Вошли на твои земли! – прохрипел мужчина. – Они жгут и грабят, как это у них в обычае, но еще... они встали под твоей цитаделью, будут ее осаждать! Когда меня отправляли, уже начинался штурм ворот! Война, госпожа, началась война!

Шора не повела и бровью, слушая доклад. Встала и велела служанкам выкупать и накормить прибывшего, выдать ему новую одежду и саке. Потом повернулась к Нобунаге, но не сказала ничего.

Нобунага тоже молчал, но в его голове вскачь неслись мысли.

Атака, осада. Это вынуждает меня к действиям. Некоторые планы придется ускорить, размышлял наследник великого клана.

Военный совет был созван в верхнем зале замка Шу Ну, и прибыли на него все старшие офицеры в крепости. Госпожа Шора разместилась в компании своих преданных генералов. Нобунагу также сопровождали его верные шомии – и первым среди них был старый и почти слепой Тензен Шинсуке, человек, о котором говорили, что с возрастом его ум лишь крепнет, особенно в военных делах. Мацухори Арагами, воин, сопровождавший отца Хироши в его последней битве, – это именно он по прямому приказу своего господина спас последних самураев рода, выведя их в безопасное место с поля битвы, благодаря чему род Нобунага выстоял в тяжкую годину. Арагами был известен также своим непростым, двойственным характером, с одной стороны, был необычайно мудрым, а с другой – вспыльчивым, гневливым. Был также и Ну Бу, гигант, о котором столько слышала госпожа Шора, – муж воистину громадный. Сев на пол, он все еще возвышался над некоторыми из стоящих воинов.

Таким образом, клан Нобунага собрал на совет людей, символизировавших собой все черты, издавна олицетворявшие род, – мужество Хироши, мудрость Тензена, осторожность Мацухори и, наконец, грубую силу Ну Бу.

Любой другой женщине стало бы не по себе от присутствия столь знаменитых воинов. Но не Шоре. Не Бессмертной.

Тем более что для всех присутствующих именно она была голосом богов.

А ее верный Дух спокойно стоял в тени.

– Господа, и ты, Бессмертная, – начал Нобунага Хироши, – мы получили тревожное известие о том, что мангуты осмелились пересечь неформальную границу и напали на земли Бессмертной. Это означает открытую войну. Это уже не наскоки и мелкие стычки. Дикари осаждают замок Красного Лотоса. Пора нанести удар, пока они заняты штурмом. Что вы думаете об этом, мои верные генералы?

Настала, согласно этикету, минута тишины, которую прервал старейший из собравшихся, слепой Тензен Шинсуке.

– Какими силами располагают мангуты? – спросил он. – Как давно они начали собственно осаду?

– Под крепостью они около двух недель. Но действуют быстро. Уже штурмуют внешние ворота. Гонец не передал точной информации о силе их армии, но можно предполагать, что мангутов не менее ста тысяч.

Сто тысяч! Шора даже вздрогнула! Отец рассказывал ей о том, насколько велики были у захватчиков людские ресурсы, сколько людей могли выставить на битву. Но сто тысяч?! Это больше, чем имел самураев весь ее род.

Во много раз больше!

– Ожидается ли им подмога? – продолжал расспрашивать Шинсуке.

– Если они придерживаются прежней тактики, то к главным силам в течение двух недель присоединятся резервы – еще тысяч десять.

– А это значит, что Ворота Сна будут штурмовать около ста десяти тысяч человек, – мгновенно подсчитал старик. – Не видно ли было со стен разъездов дикарей, что гнались бы за курьером?

– Нет.

– Это дает нам лишних пять дней на подготовку. Сынок, удвой численность стражи на стенах. Пусть самураи Бессмертной братаются с нашими во время совместных дежурств. Когда враг придет к этим стенам, встретим его стрелами и огнем.

– Твоя мудрость и опыт не знают границ, господин мой, – ответил с искренним восхищением Нобунага. – Но что мы будем делать дальше? Как вести битву, как спасти Ворота Сна? А потом отбить земли Бессмертной?

– Земли Бессмертной потеряны, – сказал на это Мацухори и поклонился Шоре. – Мне грустно это говорить, госпожа, но тебе придется проститься с наследием отца, потому что нападение мангутов означает его потерю на десятки лет.

– Я знаю об этом, господин мой, – ответила Красный Лотос. – Более того, я знаю, что нападение мангутов – это... военная хитрость.

Все взглянули на нее с удивлением и интересом.

– Я никогда не была на поле битвы и не держала меча, – продолжала меж тем Шора, – но отец передавал мне знания о войне. И я умею делать выводы сама. Мы встретились с господином Нобунагой здесь, в Воротах Сна, чтобы обсудить, как выгнать мангутов из Ниппона. Но у дикарей везде свои шпионы. Они знают, что здесь собрались самые знаменитые воины островов. – Она поклонилась каждому из собравшихся. – И рассчитывают на то, что в порыве отчаяния я уговорю вас двинуться на юг, ударить по врагу. Что приведу вас к гибели. Мангутам не нужна моя крепость. Им нужны собравшиеся тут воины и вы, великие вожди. Хотят уничтожить нас всех одним ударом.

Вновь наступило молчание. Все были поражены пронизательностью девушки. Бессмертная хоть и не была воительницей, но, без сомнения, разбиралась в войне. И в том, что она за собой влечет.

– Госпожа, – откликнулся Нобунага, – позволь, я предложу место на своих землях. С этого момента ты и твои солдаты – гости моего клана. Пока мы не вернем земли твоего отца, ты, госпожа, и все солдаты клана Секай равны в правах каждому из рода Нобунага.

Шора поклонилась:

– Благодарю тебя, господин мой.

– Но ты права, мы собрались здесь, в Воротах Сна, чтобы обсудить, как нам победить мангутов. Их действия становятся все более смелыми, а нападение на твои земли указывает на их решимость. Так скажи мне, о Бессмертная, столь же сильна и твоя решимость? Желаешь ли ты освободить Ниппон от дикарей столь же сильно, сколь и они жаждут его захватить?

Станный это был вопрос, но в некотором смысле – ключевой. Ведь Бессмертная могла и договориться с мангутами – даже дикие захватчики чувствовали уважение к той, что была живым свидетельством мощи богов.

Но она все же хотела защищать страну.

– Да, господин Нобунага, – ответила она. – Я готова защищать Ниппон. Сделаю все, чтобы спасти нашу страну. Всё!

Мужчина поклонился ей, что-то блеснуло в его глазах.

– Удвоить посты, готовиться к осаде, – приказал своим шомиё наследник рода Нобунага. – Когда мангуты придут сюда, встретят лишь смерть.

Совет был окончен, воинам не требовалось пояснять, как им выполнять свои задания. Лишь гигант Ну Бу задержался на минуту перед Шорой и поклонился ей.

– Не бойся дикарей, госпожа, – сказал он. – Ну Бу скосит их, как крестьянин косит колосья. Они полягут тысячами.

Красный Лотос улыбнулась:

– В таком случае я чувствую себя в безопасности, господин мой.

Но когда они вышли, улыбка пропала с лица девушки. Кентаро заметил, что она просто... очень устала. И напугана.

Подошла к столику у стены, присела у него, налила себе sake. И выпила залпом, как старый воин.

– А что ты мне посоветуешь, Дух? – спросила она в пространство.

Мужчина, стоящий в тени, не пошевелился. Однако знал, что вопрос Красного Лотоса – приказ для него. Молчанием он проявлял непокорность.

– Я лишь твой инструмент, Бессмертная, – ответил он наконец. – Слуга...

– Ну так служи мне советом... прошу тебя, Кен-таро!

Он на минуту задумался.

– Думаю, что господин Нобунага прав, – сказал он. – Мангуты хотят увлечь на юг две армии, твою и его рода. Осада лишь повод. Как только вы появитесь, ударят по вам всей своей мощью. И уничтожат. А так... замок господина Тонодоро, твой замок, удержится какое-то время, а твои воины заставят мангутов истечь кровью. Даже если те возьмут крепость, это будет для них кровавой победой. Нелегко сломить дух воинов рода Секай, так же как нелегко и захватить их замок.

– Ты ведь хорошо знаешь тот замок, правда, Дух?

– Я вырос в нем. – Кентаро усмехнулся. – Так же как и ты, госпожа.

Шора снова налила и выпила еще глоток sake.

– Что ж, будем надеяться на то, что когда-нибудь нам еще удастся в него вернуться, – сказала она.

Последующие дни, и Акинобу отчетливо это видел, были наполнены напряжением. Но также и своеобразным радостным ожиданием. Самураи, до сих пор свободно перемещающиеся по Воротам Сна, теперь патрулировали строго отведенные им места. Многие из них даже не спускались в нижние части крепости, оставаясь на посту в верхних этажах или непосредственно при господине Нобунаге и Красном Лотосе. Другие прибывали как посыльные, за продуктами, а потом отправлялись с ними наверх. Самому Акинобу тоже отрезали доступ во дворец – там, где ему нередко удавалось пролезть или прокрасться, теперь стояли посты, а солдаты стали с ним грубы и невежливы.

Изменения произошли и в доме мальчика. Бабушка, впрочем, оставалась сама собой – все так же бурчала, ворчала и ругала внука, когда тот баловался. А вот с отцом было куда хуже, потому что он совершил нечто тревожащее.

Перестал пить.

Не пил sake, не вырезал целыми днями статуэток Мудреца. Вместо этого вытащил из-под половиц свой старый меч, великолепную катану с черной рукоятью и цубой, изображающей схватку пешего солдата с конным воином.

Отец очистил меч и ножны от паутины, потом обнажил клинок и очень долго в него вглядывался. Наконец отложил меч и теперь с грустью всматривался в стену.

Акинобу не спрашивал отца, что его так беспокоит. Не было нужды.

Он знал, что земли госпожи Шоры подверглись нападению, об этом судачили во всех домах. Враг был далеко, но крепость готовилась к возможной осаде. «Дикари далеко, – так говорили, – и много времени у них займет, чтоб досюда добраться. Но есть и их разъезды, элита среди мангутов, воины, что никогда не покидают коня». Вооруженные как мечами, так и луками, они могли проехать много миль, вырваться далеко вперед от главных сил и принести огонь и смерть глубоко в незнакомые земли. «Кто знает, не увидим ли мы их под стенами через день-другой».

Акинобу не боялся. С одной стороны, его детский разум не понимал, что такое война, разрушения... смерть! Но свою роль играло и присутствие самураев – мальчику они казались непобедимыми воинами. В своих желтых или красных доспехах они пробуждали уважение. Как кто-либо мог ввязаться в бой с такими? Уж не говоря о гиганте Ну Бу. Или о Духе.

Так что мальчик подошел к отцу и погладил его по спине. Тот обернулся к ребенку. Акинобу увидел большую ступню родителя, снова опухшую, с белыми гнойниками. Огорчился, но не показал этого – теперь его заданием было успокоить и порадовать отца. Младший должен был быть опорой для старшего.

– Не беспокойся, папа, – сказал он. – Мангуты не придут. А если даже и придут, то господин Хироши и госпожа Шора прогонят их.

Мужчина посмотрел на сына, потом глянул в окно. Увидел смешанный патруль воинов – асигару господина Нобунаги шагали рядом с одетыми в красное самураями Бессмертной.

– Не мангутов я боюсь, сынок, – ответил он.

Шора вызвала в свои комнаты всех служанок и теперь раздавала поручения.

На этот раз госпожа была сосредоточенной, не задавала, как обычно, вопросов о самочувствии, здоровье, силах. Просто сразу отдавала короткие приказы. Как будто спешила, как будто чувствовала, что ее время истекает.

Старшие женщины, работающие в кухне, должны были там и оставаться в случае начала штурма... и даже если бы захватчики взяли крепость. Даже дикарям требуются кухарки, так что госпожа Шора ясно сказала им, что они не должны бросаться на вражеские мечи или кончать почетным самоубийством. Должны выжить, пусть даже работая на врага.

Отправила их и обернулась к младшим служанкам.

Этих ждала бы страшная судьба. Наверняка они были бы изнасилованы дикарями, а потом, если бы выжили, были бы захвачены и отправлены на убийственную работу в армейские публичные дома или же в провинции, уже принадлежащие мангутам. Поэтому им госпожа Шора указала: когда отдаст приказ, те должны спасаться бегством, лучше всего с отступающими силами господина Нобунаги.

Служанки послушно опустили головы, тем самым подтверждая, что принимают поручение Бессмертной. Все, кроме трех.

– Мы не можем исполнить такой приказ, – сказала самая высокая из них. Исключительной красоты молодая девушка с такими длинными черными волосами, что могла бы поспорить их красотой с красотой волос самой Шоры.

– Ты всегда была непослушной, Китана! – прошипела Красный Лотос.

Девушка опустила взгляд в страхе... и снова подняла его, когда Шора сердечно засмеялась.

Бессмертная подошла к своей самой преданной, самой красивой служанке. Служанке? Нет! Подруге! Они были знакомы с детства и росли в сердечной привязанности. Шора знала, что Китана превосходит ее красотой, но вовсе не завидовала. Здесь не было места обычной, типичной для женщин зависти. Обе женщины любили друг друга так, как могут разве что сестры или самые ближайшие подруги. Которым можно доверить все тайны, радости и огорчения.

– Китана, – шепнула Шора, – тебя и остальных моих подруг ждет позор, мучения, а может быть, и смерть... мангуты выступили. У нас война, хоть песни о ней не несет еще шепот ветра или прикосновение снега. Но у нас война. А на войне такие, как вы, страдают и гибнут.

– Не покину тебя, Бессмертная! – только и повторила красавица.

– Вот именно, Бессмертная, – ответила Шора. – Это я Бессмертная! И потому железо не причинит мне вреда, петля не сломает мне шеи, аркан не прервет моего дыхания. Но ты? Вы все? Вам следует уйти с господином Нобунагой. Служить ему так же верно, как и мне!

– Будет сделано, – солгала Китана.

Шора отпустила ее с грустью. Прошла через зал на террасу и выглянула наружу. Смотрела на залитую солнцем долину. Заметила, как на горизонте растут тучи – по их цвету оценила, что они принесут с собой снег, а может, даже и метель.

Внизу самураи кружили в патрулях или несли службу на постах, которые им назначил Нобунага Хироши. Бессмертной не был виден отсюда плац, но она знала, что и там царит движение – гигант Ну Бу муштровал асигару, готовя их к схватке с врагом.

Нападение мангутов было внезапным, но не слишком. В глубине души она знала, что дикари рано или поздно соберут силы и выступят на ее земли. Тем более сейчас, когда два великих рода готовились к тому, чтобы стать единым целым.

«Будут ли наши с господином Хироши дети Бессмертными? – спросила она сама себя мысленно. – Полюбит ли меня вообще Нобунага, зная, что, когда он станет беспомощным стариком, я по-прежнему сохраню молодость, красоту и силу? И что здесь вообще значит любовь, если дело вовсе не в чувствах, а в спасении всего Ниппона?»

Его армия взамен на ее кровь в жилах потомков рода Нобунага. Хироши стал бы тем, кто женился на Бессмертной, а его династия стала бы первой за века несущей в себе настоящую кровь богов. Кто знает – через сто-двести лет их внук мог бы даже отстроить императорский дворец и занять Соловьиный Трон. Конечно, только после того, как последний мангут будет изгнан с островов.

Или убит.

– Дух?

Он был здесь. Как обычно, стоял в тени. Недвижимый, почти невидимый. Но всегда начеку. Кентаро – ее охранник, ее оружие. Ее тень.

– Бессмертная?

– Может быть, мне придется расстаться и с тобой...

Мужчина, почти ее ровесник, не выдал себя ни единой эмоцией. Шора знала, что Дух не машина, что чувства бушуют в нем так же, как и в каждом, – но годы обучения, тренировок и дисциплины позволяют ему их не показывать. Как предмет. Инструмент. Оружие.

– Если дашь мне такой приказ, я выполню его. Я обязан защищать тебя, Бессмертная. Но если ты решишь, что будешь в большей безопасности, если я отправлюсь куда-то далеко, то я так и поступлю.

– Дело не в этом, Кентаро. Господин Нобунага... когда мы поженимся, то он станет моим защитником. Он займет твое место. Так должно быть, на этом настаивают закон и традиция.

– Я знаю.

– Это тебя огорчает?

Он долго молчал. Очень долго.

Тучи были уже близко. В воздухе закружились первые хлопья снега.

– Да, – ответил он наконец. – Я буду страдать, Бессмертная. Но выполню приказ.

Она обернулась к нему. Подошла ближе.

Бессмертная пахла цветами; обостренное, идеальное чутье Духа уловило аромат роз. В красном кимоно, с искусно уложенными волосами, она выглядела прекрасно. Как богиня.

Богиня, которой она действительно когда-нибудь станет.

Она была очень близко от него, посмотрела ему в глаза, вытянула руку и сделала нечто, что делала очень редко.

Коснулась его.

Ее ладонь лишь чуть задела его локоть, но Кентаро как будто ударило током.

– Мне будет очень не хватать тебя, Дух, – сказала она, – но мне нужно привыкать к этому чувству. Поэтому сегодня ты не обязан быть рядом со мной. Я проведу ночь под охраной самураев. Отдохни, выпей чая, выйди на прогулку, поговори с крестьянами... Они восхищаются тобой, и я знаю, что возможность разговора с тобой поднимет их настроение. Эта ночь... и следующие.

– Госпожа...

– Так надо. Так будет легче нам обоим. Понимаешь это, Кентаро? Я знаю, что понимаешь.

– Понимаю.

Он упал на колени перед ней, поклонился, касаясь лбом деревянного пола, а затем встал и тихо покинул зал, закрывая за собой двери.

Шора осталась одна, чувствуя в душе огромную пустоту. И одиночество.

Тем временем в нижних этажах башни для возвращающегося патруля открыли южные ворота. Очередной патруль выехал наружу, сменяя его. Самураи в желтых доспехах рода Нобунага сразу помчались вперед, высматривая мангутов.

Начал падать снег, засыпая Ворота Сна белым ковром.

Настоящая метель пришла вместе с ночью. Когда тучи закрыли месяц толстым саваном, на Ворота Сна обрушилось настоящее снежное наступление – с неба сыпались хлопья снега буквально пластами. Разбушевался и ветер, бешено забрасывая снегом стены крепости.

Хироши прислушивался к вою стихий снаружи, пока слуги помогали ему надеть доспехи. Черный нагрудник уже облегал его тело, а сейчас мужчины заканчивали завязывать панцирные рукава котэ; потом наложили поверх искусно сработанные наплечники. Ну Бу как старший из приближенных держал шлем с богатым, изящной выделки навершием маэдатэ. Подал своему господину головной убор, а взамен получил от еще одного приближенного мечи – короткий вакидзаси и длинную катану. Нобунага принял оружие, привязал к поясу ножны с коротким мечом, потом взял в руки катану. Слегка выдвинул клинок из ножен и долго всматривался в ползущие по стали красные узоры.

Алый Клинок знал, что Бессмертная рядом. Что уже скоро сможет напиться божественной крови. Это страшное оружие из преисподней было, как считал Хироши, разумным. Возможно, более разумным, чем держащий его человек.

Он убрал клинок в ножны и заткнул их за богатый пояс.

– Все ли готово, друг? – спросил он.

Ну Бу был потрясен. Его господин обращался к нему так лишь тогда, когда их ожидала тяжелая схватка.

Когда не исключал, что она может стать последней.

– Да, господин! Наши солдаты предупреждены, каждый знает, что должен делать, – ответил он.

Хироши положил ладонь на один из наручей гиганта.

– В таком случае вперед. Пусть духи снега скроют наши намерения до последней минуты.

Гигант поклонился, как и остальные, уже одетые в доспехи приближенные.

Хироши вышел на плац. Он был готов ко всему.

Патруль, высланный в сумерках на юг, запаздывал. Ожидающие его на стенах воины уже предполагали наихудшее. А когда еще и пошел снег, ситуация стала совсем нервной – мангуты славились тем, что использовали погоду для сокрытия своих намерений. Когда шел пролив-

ной ливень, могли заставить противника преследовать себя – для того лишь, чтоб кони врага завязли. Тогда дикари свободно расстреливали из луков такую барахтающуюся в грязи армию. Или напротив, в жаркие дни они скрывались в лесах и тени, заставляя противника двигаться в полном обмундировании по открытому пространству. Захватчикам неведомо было понятие чести, столь близкое воину Ниппона, – для них важны были лишь военные хитрости, уловки и конечный результат – победить, сломить боевой дух врага. И унижить его.

Снежная круговерть была бы для них настоящим подарком.

Командиры отдельных участков прохаживались по стенам, раздавали приказы, сами пытались высмотреть врагов в долине. Смешанные отряды Красного Лотоса и господина Нобунаги хорошо находили общий язык, но по какой-то причине этой ночью на страже больше было солдат в желтых доспехах, а красные самураи госпожи Шоры сладко спали в комнатах и казармах.

Все высматривали пропавший патруль.

Или мангутов.

Снег обманывал взгляд, холод впивался в тела под доспехами.

Наконец солдатам показалось, что что-то сверкает в темноте, как будто далекий факел.

Одна вспышка, потом две сразу, перерыв – и опять две. Сигнал патруля!

Этот сигнал был оговорен на тот случай, если разведчики задержатся и вернуться в темноте. Так они должны были дать знать о себе, чтобы им как можно скорее открыли ворота.

– Впустить! – крикнул офицер, отвечающий за нижний этаж. Так вышло, что именно он носил красный доспех, при этом командуя отрядом, почти целиком состоящим из людей господина Нобунаги.

Щелкнули цепи, ворота с шумом распахнулись.

Из темноты со свистом вылетела стрела, попала прямо в рот одному из солдат, пробила губы, раздробила зубы! Самурай, захваченный врасплох, рухнул на спину.

У стрелы было характерное, окрашенное в черный цвет оперение. Такие стрелы использовали мангуты!

– Нападение!!! – успел еще выкрикнуть офицер. Он так интенсивно высматривал в темноте врагов, что совершенно не обратил внимания на блеск стали сзади за собой. Вакидзаси рассек его горло, кровь хлынула на красный нагрудник. Солдат господина Нобунаги вытер со стали кровавые потеки.

Переодетые в мангутов разведчики влетели во двор, метали с седел ножи и стрелы направо и налево – целясь только в одетых в красное людей госпожи Шоры.

– Тревога! Нападение! – кричали для отвлечения внимания люди Хироши.

Кто-то начал бить в колокол, поднимая тревогу.

Люди Красного Лотоса метались, не понимая, что делать. И быстро гибли, когда их встречали мечи еще недавно союзных воинов.

Ворота Сна проснулись этой ночью с криком.

Шум не достиг верхних этажей крепости. Там люди Красного Лотоса все еще спали, как им и приказали офицеры. Отдохнув, они должны были принять дежурство утром.

И потому не слышали, как несколько десятков людей пробирается в их комнаты и казармы, не видели блеска изогнутых мечей.

Кто-то всхрапнул, кто-то кашлянул, кто-то сквозь сон прошептал имя любимой куртизанки.

Офицер дал своим людям молчаливый знак. Мечи упали почти одновременно, идеально синхронно пронзили спящих. Некоторые успели проснуться, почувствовать в себе сталь, другие не проснулись уже никогда.

Кровь потекла на каменные и деревянные полы.

Несколько десятков людей госпожи Шоры погибло, не успев даже достать оружия.

Акинобу проснулся, слыша шуршание – это отец кружил по дому. В первое мгновение ребенку показалось, что отец снова пьян, но нет – мужчина держал ножны с мечом и ходил от окна к окну, приглядываясь.

– Па... папа?

– Тихо, сынок! Что-то происходит!

– Что?..

– Нападение!

Акинобу задрожал. Уже? Неужели мангуты уже здесь?

Он вскочил с постели, бросился к окну.

– Акинобу, я же говорил!..

Отец не закончил, потому что мальчик уже выглянул наружу. Увидел желтое пламя факелов, танцующее на стенах соседних хат, слышал какой-то шум.

А потом в его поле зрения показались люди в красных доспехах. Сперва бежали, потом повернулись лицом к тому, кто их преследовал. Двое тут же рухнули, когда стрелы сбили их с ног.

А потом случилось нечто абсолютно непонятное!

На оставшихся самураев обрушились всадники. Они были одеты иначе – носили простые черные доспехи и сражались странным оружием, непохожим на мечи воинов Ниппона.

Но самое плохое было то, что вел их одетый в желтый панцирь гигант на огромном коне.

Господин Ну Бу, слуга Нобунаги Хироши.

Великан ударил копьём и сшиб с ног одного из красных самураев, а одновременно его конь свалил другого. Ну Бу ударом пригвоздил врага к земле, а потом потащил за собой умирающего, жалобно стонущего противника.

Тем временем люди в черном убили остальных – их странные мечи рубили быстро, были похожи на убийственные вспышки огня.

Отец отодвинул Акинобу от окна.

– В подпол, слышишь, мальчик?! Так, как я тебе велел – в подпол, пока все не закончится!

– Но что должно кончиться? – Ребенок заплакал.

– Убийства...

Однако убийства не собирались быстро заканчиваться.

Верхние этажи Ворот Сна проснулись вскоре после первого нападения. Офицеры госпожи Шоры надели второпях доспехи и побежали к своим солдатам – лишь для того, чтоб обнаружить казармы, полные трупов.

Лишь тогда они поняли, что происходит.

Предательство!

Но принять бой было еще не поздно. Совсем нет!

Они собрали уцелевших, приказали отступать на верхние этажи. Встречных солдат Нобунаги велено было убивать без предупреждения. Сам господин Хироши, как предатель, тоже при случае не должен был получить пощады.

Одновременно сильный заслон был выставлен для защиты перед атакой снизу. Людей, дерущихся на нижних этажах крепости, спасти уже не удавалось – они должны были рассчитывать лишь на собственные силы.

И сохранить честь, погибнув геройски.

Удалось закрыть одни из ворот, а потом еще одни, и еще.

И здесь отряд госпожи Шоры наткнулся на людей из главной крепости.

Солдаты Нобунаги атаковали тут же, но самураи Красного Лотоса показали, как умеют сражаться подданные рода Секай.

Каждый воин Нобунаги, убитый здесь, – это минус один, сражающийся наверху. Так что самураи бросились на них с бешеным криком «Урагиримоно-но ши!».

Смерть предателям!

Зазвенели мечи, два отряда сошлись в яростном бою. Железо поблескивало в темноте. Кто-то закричал, другой схватился за разрубленное горло, присел, истекая кровью.

Нагината пришила офицера, ведущего отряд Шоры, к деревянным воротам – но тот не собирался один отправляться на тот свет. Быстрым ударом он отрубил древко, а потом бросился вперед и рубанул еще раз. Меч вошел в шею не успевшего среагировать противника, все еще держащего укоротившееся древко нагинаты. Кровь брызнула фонтаном.

Оба – офицер и самурай – умерли почти одновременно. Какая же прекрасная, славная смерть!

Люди Нобунаги получили преимущество, окружили последнего окровавленного воина Красного Лотоса. Тот яростно защищался... а потом вдруг с удивлением обнаружил, что никто из врагов не атакует!

– Ну идите! Идите, предатели! – закричал он хрипло. – Проклинаю вас и ваших матерей! Проклинаю вашего господина, предателя! Идите! Бейтесь со мной!

Ворота за самураем с треском распахнулись, внутрь ворвался кто-то на огромном скакуне.

Господин Ну Бу ударил копьём, смел воина с лица земли.

Кровь брызнула во все стороны, а воины невольно расступились при виде того, как оружие гиганта изуродовало их противника.

Тело, разорванное в поясе пополам, лежало в луже крови.

Ну Бу подъехал ближе, нанизал тело на острие копья... и поднял, как цыпленка на вертеле.

– Красный Лотос, открывай нам! – закричал он в сторону верхних этажей, откуда на него смотрели люди Шоры. – У меня тут кое-что твое!

Однако Красный Лотос не слышала этих издевательских слов. Она находилась в своей комнате под охраной нескольких верных самураев.

– Измена, госпожа! – как раз докладывал один из них. – Господин Нобунага ударил нам в спину!

Шора не слушала его. Смотрела в сторону, на своих верных служанок, которые готовили ей вечернюю ванну, когда пришла весть о нападении. Лепестки роз все еще кружили по поверхности молочно-белой воды.

Женщины не плакали, не рыдали, но явно были очень напуганы.

– Мы должны удержать верхний замок, но это трудно. У господина Нобунаги есть люди и здесь. Крепость – это целый лабиринт, причем лабиринт, охваченный стычками, в которых наши люди сражаются с предателями, – пояснял дальше солдат. – Но в конце концов они дойдут и сюда. Нам надо...

– Вам надо быть со мной до конца, – ответила наконец Шора. – Я запрещаю вам уходить. Не знаю, чего хочет господин Нобунага, но он явно знает, что не может меня убить. Однако то, что я Бессмертная, не значит, что я буду рисковать жизнями моих верных воинов и слуг. Вы останетесь со мной, а когда придет господин Нобунага, я с ним поговорю. С ним, и ни с кем иным. Кто бы ни переступил этот порог, – она указала на вход в комнату, – если на нем не будет цветов клана Секай, умрет!

– Да, госпожа!

Она вновь взглянула на женщин, забившихся в угол.

– Не пугайтесь, мои прекрасные подруги, – сказала она. – Я буду с вами до конца.

«Где же ты? – подумала она. – Где ты, мой Дух?»

Они знали, что госпожа Шора отослала его. Тот, кто всегда находился рядом со своей госпожой, получил приказ оставить ее. Красный Лотос лишилась своего самого мощного оружия. Тем лучше.

Дух, судя по полученной ими информации, находился в одном из боковых крыльев замка. Там размещались старые склады и неиспользуемые комнаты. Из окна одной из них открывался вид на склоны горы Сенпу. Будто бы слуга Красного Лотоса имел привычку сидеть там в темноте, любясь скалами и попивая чай.

В эту конкретную комнату вел только один вход. До чего же удобно!

Они прокрались очень тихо и остановились у порога. Дальняя часть комнаты была отделена бумажной стенкой, за которой был виден мерцающий свет. Минуту прислушивались. Где-то там гудел огонь, булькал котелок с кипятком.

Они осторожно приблизились к перегородке и тогда увидели ясно выделяющийся при свете контур фигуры.

Дух сидел у очага! Не двигался, наверняка медитировал на воду или горы. Шум боя снизу досюда не долетал, так что главный защитник Бессмертной не ожидал измены.

Пять человек. Пятерых должно было хватить, чтобы покончить с Духом.

Командир группы жестом отдал приказ.

Солдаты с ружьями тихонько взвели курки, подняли оружие, прицелились в контур фигуры на бумаге.

Командир кивнул.

Сейчас!

Грохот был оглушительный. Выстрелило сперва одно ружье, потом второе!

Они не ждали ни секунды – трое остальных рассекли бумагу, с криком ворвались внутрь, готовые добить раненого Духа, рассечь его на кусочки, чтоб потом принести их в дар господину Нобунаге.

Но Духа там не было.

Только котелок, который упал с подвеса и теперь лежал в огне.

Шипела вода, выливающаяся из пробойны в нем на угольки.

Воины крепче сжали рукояти мечей, нервно оглядывались. Стрелки начали как можно скорей перезаряжать свои ружья.

– Где же он? – с опаской перешептывались они между собой.

– Тихо! – цыкнул офицер, прислушиваясь. Хотел уловить отзвук шагов, скрип старого дерева, что-либо, что предвещало бы нападение.

Они забыли, что Духа услышать нельзя.

Он упал на них сверху, пинком отправил одного из противников в огонь. Мужчина споткнулся и упал прямо в очаг; пламя охватило его доспех, лизнуло лицо, ворвалось с дыханием в горло и легкие.

Кентаро развернулся, блеснула сталь. Катана рубанула командира прямо в лицо, оставляя кровавый шрам.

Мужчина, попавший в пламя, в безумии вился в нем и выл, командир же, напротив, спокойно упал на колени и замер... можно было бы сказать, что с удивленным выражением лица.

Если бы у него все еще было лицо.

– Проклятый! – Один из воинов прицелился из ружья, но Дух отпрыгнул и вновь исчез в темноте.

Они сжались в тесную группу, встав спиной друг к другу. Безумная игра света и тени, их товарищ, все еще безумно воющий и мечущийся на полу, бульканье вытекающей из дыры в котелке воды, шипение углей.

– Не разделяться!.. – шепнул один из воинов – трудно сказать, отдавая приказ или пытаясь удержать самого себя от бегства.

Движение где-то сбоку.

Один выстрелил, другой с катаной бросился туда.

– Не разделяться!!!

Слишком поздно.

Духа там не было! Мужчина с катаной влетел в тень... и ударился о каменную стену.

Кентаро тем временем напал на того, который кричал, чтоб не разделялись. Ударил его плечом, подталкивая к огню, а потом нанес удар мечом.

Кровь забрызгала бумажную стенку, разлилась по ней алым узором.

– Он здесь!

Солдат навел ружье на летящего к нему Духа. Потянул за спуск, зашипел зажженный заряд.

Но Дух был быстрее.

Мгновенное движение меча, удар. Катана оттолкнула ствол в сторону, прямо на того, который только что собирался сражаться со стеной. Оружие выстрелило.

Кентаро проигнорировал грохот выстрела, ударил сверху наискось, отрубая противнику руки. Из обрубков хлестнуло красным, солдат завизжал.

Визг захлебнулся, когда Дух молниеносно повернул клинок и ударил вновь.

На мече заплескали оранжевые отблески – это огонь из очага восхищался мастерством фехтовальщика.

Дух взглянул на тело, лежащее в растущей темной луже. Стон откуда-то сбоку.

Это последний из врагов! Он пытался отползти к выходу, одновременно зажимая рукой бок в том месте, куда попала пуля товарища.

Воин заметил краем глаза блеск меча. Перевернулся на спину, поднял руки в жесте сдачи.

– Пощады! – прошептал он.

Дух приколол его к полу одним ударом изящного клинка.

И все стихло. Даже вода перестала шипеть, выкипев. Испарившись так, как испарились жизни этих людей.

Кентаро быстрым движением чибуруи смахнул кровь с лезвия, вернул его в ножны, остатки красного вытерев пальцами. Меч должен пить кровь, а не тонуть в ней.

Дух обернулся, оглядел комнату. Вздохнул.

Он направился в один из углов зала, перешагивая по пути все еще дымящийся труп человека, которого толкнул в очаг. В углу присел на корточки, поддел пальцами половые доски и запустил руку в щель.

Оттуда появился на свет темный деревянный ящичек, мастерски украшенный изображением ловащих рыбу цапель. Кентаро открыл его, достал снаряжение.

Где-то там все еще шла битва, а его госпожа, Красный Лотос, нуждалась в своем Духе.

Блеснули острые как бритва звездочки сюрикенов и скрылись в рукавах Кентаро. Потом настал черед красноватой цепочки – связанные шнурком бумажные сверточки. Петарды, помогающие отвлечь внимание противника или ослепить его. И, наконец, длинный тросик, законченный диском с одной стороны и сложной формы кинжалом с другой – кёкэцу-сёгэ. Это был первый инструмент, которым научил его пользоваться Седой Пес Ину. «Там, где не пройти, следует проползти, – говаривал он. – А там, где и проползти нельзя, следует перелететь». Кёкэцу-сёгэ как раз это и позволяло – тросик, закрепленный на левом наручье, мог быть выброшен, практически выстрелен, на значительное расстояние коротким движением руки. Острый кин-

жал с легкостью входил в дерево или другую мягкую поверхность, позволяя Духу подняться по тросу. Или, при желании, быстро сменить позицию и высоту – сложная оплетка шнура давала ему возможность растягиваться.

Сейчас, когда вся крепость была охвачена боем, это приспособление давало Кентаро единственную возможность добраться до верхних частей Ворот Сна.

Он закрепил на себе снаряжение, отложил ящичек.

– Я иду, госпожа, – шепнул он.

Бросился бежать, вылетел на балкон, прыгнул. Еще в полете резко дернул левой рукой, как будто хотел ударить невидимого противника. Кёкэцу-сёгэ выстрелило тросом, зацепы вонзились в скат следующей крыши наверху. Кентаро дернул, чувствуя, как эластичный шнур поднимает его вверх.

«Я иду, госпожа. Иду».

Акинобу дрожал, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи. Он укрылся в подполе, как приказал ему отец, но сейчас не был уверен, хорошая ли это была идея. Что, если бабушку и отца убьют? Мальчик останется один, ему не выжить в трудном мире взрослых. Может быть, удалось бы найти мастера, который выучил бы его боевым искусствам, чтоб отомстить за смерть родных... но может быть, пришлось бы умирать от голода в придорожной канаве.

Бой.

Он не был таким славным, как о нем говорили легенды. В них самураи были людьми, полными чести, для которых бой был не только исполнением обязательств перед господином, но также и поводом укрепить самодисциплину, да и просто – удовольствием!

Но сейчас мальчик видел нечто иное – страшную беспощадную резню, в которой не имели значения честь и дисциплина. Только безжалостное убийство противника. Где-то там кричали люди, визжали насилуемые женщины. Кровь мешалась с грязью, и все это среди танца до сих пор падающих с неба снежных хлопьев.

Как-то по-другому он себе это представлял.

– Акинобу, ты там? – донесся сверху шепот отца.

– Да, папа...

– Не выходи. Что бы ни происходило, не выходи!

Впервые в жизни мальчик готов был беспрекословно послушаться старших.

Кентаро вскочил на крышу, побежал по ней, чтобы потом снова прыгнуть, отлететь от стены, метнуть кёкэцу-сёгэ и с разгону взлететь еще выше.

Прошел по узенькой крыше над одной из стен. Под собой видел крохотных людей, сражающихся между собой в нижней части крепости. Желтый цвет Нобунаги явно доминировал над красным клана Секай, а на главном плацу безумствовал Ну Бу, гигант на столь же грандиозном скакуне. Его копьё описывало сверкающие полукруги, сбивая с ног противника за противником. Кентаро хотел убить гиганта, но на это не было времени – госпоже Шоре требовалась его помощь. Требовалась немедленно!

Он влетел через окно внутрь замка и сразу увидел следы боя.

На деревянном полу лежали, скорчившись, тела в красных доспехах. Одно из них было прибито к стене копьём.

Он напряг слух. Наверху все еще шел бой, но силы Нобунаги явно брали верх – самураи клана Секай защищались из последних сил. Его товарищи по оружию, смелые воины, которых он знал многие годы, сейчас гибли от предательских ударов.

Кентаро предчувствовал, что такой день может прийти. Должен был предчувствовать. Седой Пес Ину всегда повторял – готовься к худшему и надейся на лучшее. Именно так с молодых лет он и учил Кен-таро.

«Для этого я и создан, – подумал Дух. – Идеальный инструмент убийства. Оружие, одетое в людскую плоть, чтобы никто не догадался.

Я иду, госпожа».

Окровавленный самурай поклонился своему господину.

– Они вот за теми дверями, – доложил он Хироши, указывая на раздвижные фрамуги. – Госпожа Шора, несколько последних, самых преданных воинов и ее служанки.

Нобунага взглянул перед собой.

Значит, сейчас все и решится. Будущее Ниппона, его спасение или гибель, находится за этим тонким слоем бумаги.

– Я ворвусь туда со своими людьми, господин! – бросил стоящий рядом Мацухори Арагами. Его глаза горели, а губы скривились в сумасшедшей улыбке. Он всегда так выглядел, когда безумие битвы овладевало им, а сегодня Арагами убил многих. Но ему все еще было мало – кровь была для него наркотиком, который после первого раза требует все больших и больших доз.

Нобунага чувствовал, что это он сам, лично, должен выйти на бой с воинами Красного Лотоса. Но колебался.

«Мой отец совершил ту же ошибку в битве с мангутами, – подумал он. – Вместо того чтобы сберечь силы, отец бросился вперед и погубил почти всех, кто пошел за ним. Я не повторю его ошибки».

Тем более что Бессмертная была опаснее, чем дикари. Хотя и сама не знала об этом.

– Хорошо, Мацухори, покрой же себя еще большей славой, – сказал он наконец.

Шомиё только того и ждал.

– Зенпо-ни! – крикнул он что есть силы.

Воины ворвались внутрь и тут же наткнулись на одетых в красное бойцов клана Секай. Блеснули мечи.

Воины сошлись в смертельном бою, кровь хлестала на стены. Мацухори разрубил одного из врагов, быстро обернулся, парировал горизонтальный удар катаны, отбил, концом своего меча нанес контрудар под мышку противника. Кровь ударила настоящим гейзером, заливая лицо шомиё. Но ее соленый вкус лишь добавил ему ярости!

Он зарубил очередного врага. Не видел Красного Лотоса, вокруг него были лишь боль, смерть, блеск мечей.

Ударил раз и еще раз, наконец увидел госпожу Шору. Хотел броситься к ней, притащить к своему господину, но дорогу ему заступила какая-то женщина. Женщина!

Молодая служанка бросилась на Мацухори с длинной острой шпилькой, которой до того скальвала волосы, – предательское оружие гейш и проституток!

Воин поймал ее за запястье, убил быстрым ударом. Катана вошла в рукав кимоно и пробила служанке бок. Девушка упала, изо рта ее пошла кровь. Но тем временем на шомиё бросилась очередная, и эта достигла цели – шпилька неглубоко, но вонзилась в тело Мацухори.

Мужчина бешено зарычал, обернулся, ударил мечом.

Тело женщины выглядело даже смешным, когда ее руки взметнулись к шее, из которой вверх забил гейзер крови. Голова служанки отскочила от стены и покатила по деревянному полу, оставляя за собой алый след.

Тогда Мацухори осознал, что самураи Красного Лотоса мертвы, а защищают Шору уже только женщины.

А точнее, всего одна женщина, красавица служанка, затмевающая красотой даже свою госпожу. Тоже держала шпильку в тонких пальцах, но не атаковала шомии, а лишь смотрела на него, и в ее глазах ярость смешивалась с ужасом.

– С дороги! – заревел самурай. Этого хватило. Девушка выронила оружие, рухнула, сжавшись под стеной и дрожа всем телом.

– Прости!.. – шептала она. – Прости, о Бессмертная! Я не могу... не могу!

Мацухори молча прошел мимо нее. Подошел к Красному Лотосу.

Шора смотрела на своих мертвых защитников, лежащих сейчас в растущих лужах крови. Они сражались до конца и погибли с честью. Ее отец был бы горд за своих самураев. И она смотрела на них с гордостью, а потом перевела взгляд на Мацухори и входящего в комнату Нобунагу. Для них в ее глазах было лишь презрение.

– Мы пришли, моя госпожа, – обратился к ней Нобунага. – Пришли за тобой.

– Я здесь, Хироши, – ответила она. – Жду от тебя объяснения твоего предательства.

– Предательства? О нет, госпожа моя, я никого не предал. На могиле своего отца я принес некую клятву и лишь исполняю ее.

– В самом деле? Чего же ты хочешь, о достойный честный господин? Какую клятву намереваешься исполнить?

– Сберечь Ниппон. Прогнать мангутов.

– Так для этого была устроена эта резня? Мои и твои люди убивают друг друга, мы оба теряем силы. Каждый самурай, погибший этой ночью, это на одного воина меньше среди тех, которых мы выставим против захватчиков. Какая в этом логика?

Нобунага минуту молчал. Потом положил правую ладонь на оплетенную красным шнуром рукоять меча на своем боку.

– Ты сказала, госпожа, что совершишь все, чтобы спасти Ниппон, ведь так? Все? – спросил он.

– Да, я это сказала. И подтверждаю свои слова, – ответила Бессмертная.

– Если «все», то готова ли ты в том числе и... отдать жизнь за наши острова?

– Безусловно. Если в том будет нужда, я готова отдать свое бессмертие в обмен на спасение для нашего дома.

Хироши кивнул:

– В таком случае нас все еще связывает одна и та же цель. И одна и та же клятва. Спаси Ниппон. Для этого я здесь и нахожусь. Воины, исполняйте свой долг!

Блеснули мечи, они бросились на нее одновременно.

Один ударил прямо в лицо, другой рассек красное кимоно и бок женщины, третий наискось разрубил ее правую грудь. Когда она упала, удары обрушились на ее спину. Одна красная полоса, вторая, третья. Из ран виднелось мясо, торчали ребра, белые кости скелета.

Отошли в сторону.

Шора скорчилась на полу, рыдая. Она была окровавлена, изранена, ее прекрасное кимоно напоминало рваную тряпку. Но она была жива! Удары, которые убили бы самого крепкого воина, причинили ей, без сомнения, страшные, но уже заживающие раны!

– Извини, госпожа моя, – сказал искренне пораженный Нобунага, – но мне нужно было... нужно было убедиться! Теперь я полностью уверен. – Он потянулся за своим оружием. – Прощай, Бессмертная. И знай, что твоя смерть спасет Ниппон.

Выхватил из ножен Алый Клинок.

Дух ворвался в зал через боковое окно. Блеснул меч, свистнули сюрикены, сразив троих приближенных предателя-даймё. Кентаро же приземлился между Хироши и Шорой.

– Я здесь, госпожа! – сказал он, глядя Нобунаге прямо в глаза.

– Ты немного опоздал, – ответил на это Хироши, приказывая жестом своим солдатам расступиться.

А потом атаковал.

Лезвие в руках Нобунаги горело красным, пульсировало багрянцем. Оно свистнуло в первом ударе, настолько быстро, что его почти невозможно было парировать.

Невозможно для человека. Но Кентаро не был человеком.

Он был инструментом.

Парировал, быстро контратаковал. Катана задрожала, наткнувшись на мгновенный блок Хироши, но Кентаро атаковал снова – верхний удар, потом нижний! И опять каждый из них оказался перехвачен клинком противника.

Господин Нобунага был быстрым, очень быстрым! Он парировал удары с такой скоростью, что Духу показалось – врага просто прикрывает невидимый щит. Наконец Хироши отбил меч Кентаро и контратаковал, раз и еще раз! Дух лишь чудом сумел парировать эти удары, чувствовал, как алый металл проносится в миллиметрах от его лица. Бросился вниз, атаковал снизу. Нобунага предвидел это! Наступил на меч Духа, ударил встречно концом своего. Кентаро дернул свое оружие, в последнее мгновение уклонился от удара!

Они выпрямились друг напротив друга. Кентаро держал клинок наискось перед собой, Хироши свой опущенным, чтобы как можно быстрее перейти к удару снизу.

Нобунага был превосходным фехтовальщиком, настоящим мастером меча. Сражался быстро, но не терял хладнокровия. Решительно был самым опасным противником из тех, с кем Духу до сих пор приходилось сражаться.

Однако это было не важно. Важно было только одно – убить его. Его, его людей, каждого, кто встанет на пути Кентаро. Госпожа Шора, важна была только она! Жизнь Бессмертной.

Они одновременно бросились в атаку, рванулись друг на друга! Блеснули лезвия, два удара хлестнули практически в одно и то же мгновение... заскрежетала сталь, клинки столкнулись так, что брызнули искры! Бойцы проскочили друг мимо друга, развернулись и атаковали снова.

Безошибочная работа ног на скользком от крови полу, дыхание спокойное, несмотря ни на что. Осторожные, экономные движения.

Бросок, удар!

Они снова разлетелись в разные стороны. И замерли.

Шора, Бессмертная. Важна была лишь она.

Кентаро обернулся. И упал на колени.

Удар Алого Клинка разрубил его бок. Кровь хлынула из страшной раны, залила тело, разлилась по деревянному полу.

Дух хотел подняться, поднять меч, еще раз вступить в бой.

Не смог.

– Ты хорошо сражался, – сказал Хироши, обращаясь к поверженному противнику, – но даже ты не помешаешь мне спасти Ниппон.

Движение сбоку – это госпожа Шора подползла к своему Духу. Несмотря на боль и раны, Бессмертная нашла в себе достаточно сил, чтобы приблизиться к тому, кого так легкомысленно отослала от себя.

Когда она уже достаточно приблизилась, то оперлась на ладони и потянулась к Кентаро. Дух сумел из последних сил обнять свою госпожу, прижать к себе. Их кровь смешалась.

– Хорошо... что ты со мной, – прошептала госпожа Шора.

– Всегда... госпожа, – прохрипел он.

Ее пальцы сжали его руку, она всем телом прижалась к нему, как будто удостоверяться, что ее воин, ее защитник, ее Дух действительно здесь.

Он был здесь, был для нее всегда.

Она сильнее обняла его за плечи, еще больше приблизилась. И тогда их губы встретились, слились в поцелуе.

Он обнял ее. И знал, что уже никогда не отпустит.

Алый Клинок пробил их обоих. Кентаро чувствовал, как он проходит через тело Бессмертной, а потом впивается в него, прошивая навывлет. Когда Нобунага выдернул оружие из их тел, они упали – он на спину, а она затихла на его груди, как любящая жена засыпает в объятиях любимого мужа.

Так отдали свои жизни Дух и Бессмертная, столько лет бывшие рядом, но разведенные положением и клятвами. Одновременно испустили свой последний вздох, наконец-то вместе, в последнем своем предсмертном объятии.

Нобунага Хироши наблюдал, как кровь стекает по Алому Клинку, как сталь поглощает каждую каплю, лучась радостным блеском. Потом взглянул на мертвую Бессмертную и ее защитника. Лицо Духа было почти веселым, а тем временем тело Шоры... распадалось!

Начало высыхать, буквально как пустынная мумия, чтоб через минуту рассыпаться в прах. Дунул ветер снаружи, рассеивая его, но тут же исчез и он, а на мертвом Кентаро осталось лежать лишь рассеченное кимоно женщины.

Нобунага элегантно привычным движением убрал Алый Клинок в ножны.

Он смог, сделал это! Свершилось! Бессмертная мертва, а Алый Клинок принял ее кровь!

Он, Нобунага Хироши, спасет Ниппон! Да, теперь он был в этом уверен!

Обернулся к своим людям, а те, видя, что он совершил, упали перед ним на колени.

– Убейте оставшихся воинов, а потом собирайтесь на главном плацу. Возвращаемся домой! – приказал он.

Его люди поспешили выполнять приказ.

Начали было приводить в порядок тела, но уже протрезвевший от боевого опьянения Мацухори остановил самураев.

– Нет времени! – сказал он. – Тела наших – на повозки, самураям отрубить головы. А этих... – он указал на приближенных Шоры и Духа, – в сухой резервуар!

И этот приказ был выполнен. Трупы без всякого уважения вытащили из зала. Последним забрали Духа – отбросили изрезанную грязную тряпку, в которую превратилось кимоно Красного Лотоса, ухватили тело Кентаро за ноги и потащили вниз, чтобы потом сбросить вместе с остальными в яму.

На полу осталась лишь кровь.

Последняя служанка госпожи Шоры, Китана, все еще рыдала, сжавшись в углу зала.

Ну Бу пересчитал воинов, когда те собрались после битвы на главном плацу. Все, хватит грабить, хватит забавляться с крестьянками. Выполнили свое задание, и теперь пора домой, на север.

Неплохо проявили себя – гигант должен был это признать.

Он посмотрел на Ворота Сна. Крепость выглядела даже хуже, чем тогда, когда они прибыли в нее. В грязи видна была кровь.

Подъехал господин Нобунага, тихо, как обычно.

– Все готовы отправляться в путь, господин мой, – доложил Ну Бу.

Хироши посмотрел на своих людей, потом положил ладонь на рукоять Алого Клинка.

– Хорошо, – ответил он. – Выдвигаемся!

Они выехали так же, как и заходили, – в шеренгах, в каре. Через несколько часов встанет солнце, и боги увидят то, что произошло ночью. Погода, судя по всему, решила пожалеть богов и прикрыть от них этот вид, потому что лишь только золотой диск выглянул из-за горизонта, с небес хлынул ливень.

Вода размочила ночной снег, разлилась огромными лужами между домов и оград. Дошла наконец и до старого резервуара, стекла туда, намочив лежащие там сплетенные тела. Для убитых это было единственное помазание, на которое могли рассчитывать.

Омоте 2

Город духов

*Небо плачет
Над сном воинов.
Сердце одного вдруг забилося
В мертвом теле*

ОМОТЕ 2

ГОРОД ДУХОВ

Небо плачет
Над сном воинов.
Сердце одного вдруг забилося
В мертвом теле.

Проливной дождь шел третий день, и конца ему не было видно. Снег, который совсем недавно покрывал Ворота Сна белым ковром, сейчас превратился в безобразную липкую жижу.

Тела солдат валялись по всей крепости и замку, а на главном дворе страх наводила пирамида из отрубленных голов самых известных воинов – прощальный подарок Хироши этому месту. Холод пока приостановил запах разложения, но скоро должно было стать теплее, и тогда уже запах станет не остановить.

Большинство крестьян, которым посчастливилось остаться в живых во время боя, бежало. Остались совсем немногие, те, у кого не было средств или сил для того, чтобы спуститься с гор и отправиться на север. Такие, как семья Акинобу, – старый отец, неспособный нормально ходить, и бабушка, которая могла бы не пережить трудной дороги.

Они остались в крепости, ставшей братской могилой.

Мальчик прошел под самой стеной, осторожно, чтоб не замочить обутые в гета ноги в глубокой красно-коричневой луже. Минуту рассматривал лежащего в самом ее центре мертвого воина с посеревшей кожей.

Мальчик не плакал, о нет! Все слезы он пролил уже в первый день после резни и теперь обещал себе, что будет сильным – ради отца и бабушки. Но удавалось не всегда. Иногда слезы были сильнее его воли.

Он прошел стену и свернул к огородам. Солдаты господина Нобунаги подожгли часть строений, но идущий снег, а за ним дождь не позволили огню распространиться, и пожары быстро угасли. Именно там, в жилищах их соседей, Акинобу и искал запасы еды, чистой воды, риса, всего, что могло бы помочь им продержаться до весны.

Это вовсе не была кража, ничего подобного. Мальчик уговаривал себя, что погибшие хотели бы помочь его семье. Ведь все жители хорошо относились друг к другу, помогали, если чего-то недоставало, а статуэтки Мудреца работы его отца можно было найти в большинстве домов.

Он выбрал дом, перескочил заборчик, потом пошел дальше через раскисший огородик. Двери дома были рассечены мечом и ничего не закрывали. Акинобу переступил порог.

И сразу же попятился!

Женщина лежала в самом центре помещения. Ее ноги были широко раскинуты в стороны, а пространство между ними было покрыто кровью. Мертвые глаза смотрели в потолок, а на горле видна была полоса от удара мечом.

Акинобу минуту стоял снаружи, под дождем, но потом собрался и вновь вошел внутрь, стараясь не смотреть на тело. Тело, принадлежавшее при жизни их соседке. Госпожа Хачико, милая и симпатичная госпожа Хачико. Мир несправедлив, если хорошие люди погибают так.

Теперь мальчик уже точно знал, что так оно и есть.

Он прошел по дому, но не смог найти много запасов. Какие-то мешки, несколько овощей, одна свекла. Чуть-чуть риса.

Забрал то, что было.

– Спа... спасибо, – прошептал он хозяйке, выходя. – И простите!

Мальчик сбежал оттуда как можно быстрее.

Он снова пошел между огородами. Рассчитывал услышать кур или свиней, но не тут-то было – люди господина Нобунаги забрали все. Армии тоже нужна была еда. Особенно армии, утомленной этой ночной резней.

И тем не менее он не хотел пока возвращаться домой, обманывал себя надеждой найти что-нибудь еще. Может быть, ближе к замку? Туда он еще не отправлялся – боялся.

Там тел было больше всего, а духи наверняка безумствовали в скорби, полные обиды и гнева.

Но что-то его все же подталкивало туда. Он уговаривал себя – это потому, что ему нужны были запасы, а в замке ведь были целые кладовые. Но правда выглядела иначе – Акинобу гнало туда просто болезненное любопытство.

Раз уж мир показал ему свое настоящее безобразное лицо, то отчего бы не сорвать эту вуаль полностью и не увидеть гадкое рыло во всей красе?

Лил дождь, где-то в отдалении раскатился рокот грома.

Мальчик медленно шел через грязные залитые дворы к крепости.

Миновал одни ворота, потом вторые и третьи – все разбитые, наверняка тем огромным скакуном, что принадлежал гиганту Ну Бу. Это был не верховой конь, а настоящий зверь, Акинобу готов был ручаться, что подручный Нобунаги ездит верхом на самом Акаи Уме. Одним ударом копыт этот монстр срывал ворота с петель – не иначе он и был именно этим проклятым животным! Красным богом мангутов!

И снова тела, страшно изувеченные. Но не все, однако же, остались здесь. Акинобу ясно видел следы волочения, оставшиеся в грязи. Эти следы, отчетливые, ржаво-красные, не смог уничтожить ни снег, ни ливень.

Они вели к резервуару.

Сначала это должен был быть просто ров, но потом строители Ворот Сна поняли – земля между скал настолько мягкая, что ее легко можно выкопать больше и перенести выше. Так они и поступили, сделав из нее верхние валы, ограждающие основание замка. А то, что планировалось сперва как простой ров, стало огромным резервуаром, в котором собиралась вода, приходящая по каналам из горных ручьев. Залив резервуар, можно было как отгородиться от осаждающего крепость врага, так и черпать воду для нужд защитников. А если бы противник решил эту воду отравить, то ее можно было просто выпустить через специальные затворы... и наполнить резервуар снова!

Время обошлось с механизмом даже хуже, чем с самой крепостью. Сложные конструкции проела ржавчина, фактически уничтожив их, ну а каналы... что ж, вода течет так, как хочет сама, а не как требуют от нее люди. Так что резервуар был пустым уже много лет, служа просто сухим рвом для заброшенной крепости.

Но теперь, и Акинобу видел это отчетливо, он был полон снова. Вот только не водой, а телами.

Десятки скорченных человеческих трупов лежали здесь, сброшенные с верхних этажей. Раскрытые в немом крике рты, растопыренные пальцы, лица, говорящие о страшной смерти.

И запах, запах, запах! Оглушающий, сводящий с ума!

Акинобу не выдержал атаки запаха, присел, и его стошнило. Одной желчью, потому что он уже много часов как ничего не ел.

Попятился, потому что здесь лицо реальности было даже еще страшней, чем он себе представлял.

И заплакал, только один раз, увидев среди тел труп Духа.

Великого, легендарного, непобедимого Духа. Того, кто защищал Бессмертную.

Мужчина лежал на спине поверх кучи трупов. Глаза его были закрыты, рот раскрыт, одежда грязна от крови. На боку красовалась широкая рана; другая, поменьше, виднелась в самом центре груди воина.

Может ли быть, что Дух после смерти стал настоящим духом? И теперь пугает, похищает людей? Живет теперь в этом замке?

Акинобу повернулся и направился вниз.

Но запах еще долго не покидал его.

– Ну как, нашел что-нибудь? – спросил отец с надеждой.

Мальчик передал ему свою добычу. Скромно, конечно, но лучше, чем ничего. Мужчина погладил его по голове.

– Молодец.

Бабушка сидела в углу, тряслась и что-то бубнила сама себе.

– Спасибо, о небеса! Спасибо! – шептала она.

Акинобу хотел подойти и обнять ее... но испугался. Старушка совершенно очевидно сошла с ума, а ведь безумие заразно, это всем известно!

– За что бабушка... благодарит? – спросил он у отца.

– Не знаю. Спроси у нее, может быть, расскажет тебе.

Но мальчик не спросил.

Он немного посидел с отцом, помогая тому приготовить жалкий обед. Его не хватило бы даже для одного человека, но теперь его приходилось делить на троих.

– Завтра я схожу еще; может быть, люди прячут что-то под полом, как и мы.

– Да, может быть.

– Когда мы уже двинемся, отец?

Мужчина выглянул наружу, покачал головой:

– Сперва надо, чтоб кончился ливень... в такую погоду мы не выдержим, ни я, ни бабушка.

Умрем. Теплее, должно стать теплее!

– Духи...

– Не бывает никаких духов! – цыкнул отец, потом взглянул на мальчика: – Прости, я не хотел...

– Знаю... знаю, папа, давай кушать.

Поели быстро. Потом Акинобу пошел спать.

Дождь шел по-прежнему. И когда он засыпал, и когда проснулся.

Мальчик сказал отцу, что пойдет за едой, и действительно собирался так и сделать. Но дурное любопытство победило, и первым делом он отправился наверх, к замку.

Он хотел еще раз взглянуть на резервуар.

Его сердце было холодным и мертвым. Разлагалось. Но потом случилось нечто невообразимое.

В сердце вернулась жизнь, гниение прекратилось, появилась сила. И оно забилося вновь.

Кентаро даже застонал, когда кровь, новая, свежая кровь снова зашумела потоком, струясь у него в венах. Мертвое до сей поры тело прошел болезненный ток, когда сила возвращалась в его члены, когда вновь заработали усыпленные смертью нервы. Голова взорвалась болью в тот момент, когда в ней появилась первая мысль.

«Я живу! Живу!!!»

Да, он ожил!

В нос ударила невообразимая вонь, он почувствовал, что лежит на чем-то твердом в очень, очень неудобной позе. Пошевелил рукой и зашипел, когда по ней пробежал ток, означающий жизнь. Кожу бил озноб, кости болели. Рот был сухим как пустыня; инстинктивно Кентаро распахнул его, чтобы впитать дождевую воду. Он пил каждую каплю, жадно, будто это было самое дорогое sake.

Неужели он и впрямь выжил? Или это был тот свет, а боль и зуд были наказанием за несдержанную клятву перед своей госпожой?

Нет, наверняка нет. Кентаро находился не в аду, а все еще в мире живых. Он воскрес, несмотря на смертельные раны, а тело его не только не разложилось, но и обрело прежнюю форму.

Ее дар. Последний поцелуй Красного Лотоса вернул его к жизни. Сила Бессмертной была непознаваема, но, судя по всему, будущая богиня могла оживить то, что мертво. И тем самым Шора передала свою жизнь – ему.

Именно ему!

Кентаро застонал – жалобно, болезненно.

Именно мне!

Тому, кто подвел ее, кто опозорил и себя, и ее! Опозорил ее дважды – сперва столько лет служа своей госпоже и при этом в сердце чувствуя к ней то, чего чувствовать не должен абсолютно! А потом второй раз, когда не сумел ее защитить. Когда не смог выполнить даже того, для чего был создан.

Беспольный, ненужный, негодный инструмент.

Вот мое наказание! Жизнь! Жизнь в позоре!

Несмотря на пересохший рот, он закричал, просто завыв!

– Позор! Страшный позор!

Он лежал на гниющей куче тел, он, воскресенный Дух. Лежал и жалобно рыдал.

Акинобу смотрел на него из-за кромки резервуара и не верил своим глазам.

Они явились во Врата Сна несколько дней спустя. Было очевидно, что подобные им рано или поздно придут с юга. Не беженцы, не беглецы – этих всех переловили мангуты и погнали в неволю.

Мародеры, дезертиры. Те, кто должен был сражаться, защищая слабых перед сильными, но вместо этого бросился на слабых, чтоб отобрать у тех последние крохи.

Наступление агрессоров закончилось вскоре после того, как они захватили и разграбили владения рода Секай, но мародеров уже тогда было в достатке. Сражаться с мангутами им мешала трусость, так что они направились на север, к Воротам Сна, чтоб поискать счастья там.

Войдя в крепость, остановились как вкопанные. Ожидали увидеть толпы крестьян или отряды самураев. Застали же место резни.

– Нехорошо это выглядит, командир, – сказал один из мародеров, но тот, к кому он обращался, невысокий бородач, жестом приказал ему молчать. Огляделся, перешагнул через один труп, ткнул катаной другой.

– Ха! – прорычал он наконец. – Они друг друга поубивали! Люди Секай и Нобунаги, это их цвета, видите?

Они видели цвета, но кроме красного цвета Секай ничего больше не могли узнать. Это их бородачатый командир «видывал мир». Остальные несколько мужчин, составляющие небольшой отряд, были всего лишь рекрутами или просто крестьянами, слишком трусливыми для войны и слишком ленивыми для честной работы.

– Здесь можно пожить, командир! – крикнул один из них, высокий, но жилистый парень.

– Да даже эти доспехи, ну и что, что грязные! – ответил другой, косящий глазами в обе стороны.

– Да-а-а... мы точно разбогатеет! – признал командир. – Стаскивайте с них доспехи, но только красные! Поедем на север и будем изображать людей Секай. Даже нападать не придется, у любого крестьянина потребуем постой, изобразим чиновников и соберем налог! Ха, счастье нам улыбнулось!

Кто-то сразу начал раздевать трупы, несколько человек отправились в дома. Командир оставил с собой косоногого и жилистого; указал им на замок.

– Там, – сказал он, – там самое ценное!

И они двинулись к воротам замка.

Он пролежал целый день. Может быть, два. Начал чувствовать голод, но есть все равно было нечего. А вдобавок он считал, что не заслуживает еды. «Голод – это наказание, – думал он, – а именно наказания я и заслуживаю!»

Так что он просто ждал, сам не зная чего. Время от времени дотрагивался до своего возрожденного тела. Оно было точно таким же, как и перед смертью; раны затянулись, оставив после себя лишь розовые шрамы, покрытые нежной молодой кожей.

Затянутся ли они до конца? Будет ли он носить на теле воспоминания о том, кто причинил ему смерть?

Он кашлянул раз и еще, открыл рот, снова глотая дождевую воду.

И тогда услышал их.

Приближающиеся голоса, смех, шутки.

В его поле зрения показались трое мужчин. Доспехи, кое-как накинута на голое тело, шлемы мангутов на головах, катаны без ножен в явно непривычных руках. Сразу было видно, что это мародеры, выдающие себя за самураев. Очень неубедительно выдающие себя.

Кентаро не двигался. Мужчины минуту разглядывали трупы, громко обсуждая резню и вонь. Потом их командир приказал идти дальше, в замок, и они ушли.

Дух снова остался один.

В самой крепости тоже случилась резня. Командир и его люди тщательно обыскивали изуродованные тела, время от времени забирая себе какую-нибудь ценную вещь. Стены были покрыты выплеснувшейся кровью, она же засохла и на полу. Мародеры перешагивали через трупы.

– Глянь на эту, какая красивая! – Косой поднял голову убитой женщины. – Жаль, что такой цветочек увял зря!

– Жаль! – подтвердил и жилистый.

Косой оставил покойницу. Двинулись дальше.

Ничего, только беспорядок, старая кровь и трупы. Все больше разложившиеся трупы.

– Нет тут ничего! – закричал жилистый. – Все разграбили!

– А может, что-то еще осталось?

– Тихо! – отрезал командир. – Слышите?

Дождь, падающий снаружи, шум их собственного дыхания.

И плач. Плач, долетающий сверху. Тихий, усталый, но явственный.

– Там кто-то есть!

Они не сразу, но нашли дорогу на верхние этажи; поднялись по крутым деревянным лестницам.

Финал боя явно проходил здесь, поскольку тел было больше всего. И мужских, и женских; сплетенные в посмертных объятиях лежали и слуги, и самураи. Цвета Секая и Нобунаги смешивались между собой, соединенные смертью и кровью.

Прошли один зал, потом второй. Рассматривали оружие, утварь покоев. Рыдания доносились все явственней.

И тут они увидели ее.

Она сидела на краю ванны, в окружении дюжины трупов. Очевидно, была служанкой, потому что ее окровавленное кимоно было одинаковым с теми, что носили лежащие вокруг убитые женщины. Но если так, то она была исключительно красивой служанкой! Несмотря на залитое слезами лицо и грязные растрепанные волосы, она все еще выглядела необычайно привлекательно.

Они вошли внутрь, медленно расходясь по сторонам так, чтоб отрезать ей дорогу к бегству.

Увидев их, она зарыдала громче. Но в ее ладони блеснул металл.

– Не подходите!

Вакидзаси в ее руках прикоснулся к стройной длинной шее.

Остановились.

– Спокойно! Спокойно, госпожа! – сказал командир самым льстивым голосом, какой только смог изобразить. – Мы не причиним тебе вреда!

– О нет! – добавил косой. – Мы причиним тебе радость!

Старший испепелил его взглядом. Потом вновь повернулся к девушке:

– Не нужно бояться нас, прекрасная госпожа! – Он сделал шаг вперед. – Видишь? Мы носим цвета твоего рода.

– Это не мой род, – ответила она дрожащим голосом. – Я лишь служанка, служанка моей госпожи... которую я подвела!

– Твоя госпожа прощает тебя! – ответил командир. – Пойдем с нами!

– Моя госпожа мертва!

Минута тишины. Трупы. Лезвие у самой шеи женщины.

– В таком случае, ничего не мешает тебе пойти с нами!

– Я опозорила...

– Не переживай так! Каждый из нас совершает ошибки...

– Я опозорила ее! – Девушка снова зарыдала. – Ее и себя. Я должна была умереть.

– Пойдем с нами!

– Я должна была умереть...

Они бросились вперед, но она была гораздо быстрее. Клинок рассек шею, кровь ударила настоящим гейзером.

Тело девушки упало назад, в ванну, наполненную скисшим молоком. Содержимое быстро стало окрашиваться красным.

Они остановились как вкопанные, не в силах поверить в произошедшее на их глазах. Из ванны торчали лишь стройные женские ноги, еще подергивающиеся в агонии.

– Ах ты! – бросил жилистый. – А какая красивая была!

– А может, это... того... пока теплая?.. – предложил косой.

– С ума сошел? – отрезал командир. – С трупом? Небеса бы нас прокляли стократно! Пойдем, ничего не поделаеть, иногда жизнь такова. Может, внизу найдем еще чего.

Они вышли из зала.

Молоко в ванне стало совсем красным.

Дух слышал, как они возвращались – разочарованные, огорченные. Рассчитывали, что найдут внизу, в полуразрушенной деревне, то, что ушло от них в замке.

Голоса постепенно стихали вдаль. Кентаро снова остался один, полулежащим на вонючей горе трупов.

– Под пол, мальчик! – приказал отец, когда до них донеслись голоса.

Мародеры раньше уже проходили мимо их дома, но проигнорировали ее, увидев на крыльце пожилого мужчину. Не это их интересовало – ценности, женщины, о да, вот это они искали! Но не старика с распухшей ступней, глядящего на них полусумасшедшим взглядом.

Но в конце концов они все же направились к дому Акинобу, поскольку в остальных хатах ничего ценного не нашли.

– Под пол, говорю!

Мальчик неохотно выполнил распоряжение. Сперва неподвижно лежал на холодной земле, но потом любопытство превозмогло здравый смысл. Акинобу изучил свой домик настолько хорошо, что знал – у стен есть несколько мест, где можно так просунуть голову, что через щели в досках будешь видеть, что происходит в доме, а сам останешься вне поля зрения. Так он и поступил, проскользнул в подходящее место и стал наблюдать.

Отец стоял на крыльце, опершись о фрамугу, и смотрел наружу. Меч в ножнах стоял рядом, у стены, невидимый ни для кого снаружи. Бабушка сжалась в углу комнаты.

– Эй, старик! – закричал ему кто-то. – Чего не сбежали с остальными?
– Нам некуда бежать, – спокойно ответил отец. – Это наш дом...
– Вам потребуется охрана. Мы можем вам ее обеспечить... недорого. Немного риса, или...
– ...или, может, у тебя есть куры какие-нибудь, живые свиньи, – добавил другой, мерзкий голос. – Может, девку где прячешь?
На улице загоготали.
– У меня ничего подобного нет, – прозвучал спокойный ответ.
– Позволь-ка нам проверить!
Они ворвались в дом, оттолкнув отца с дороги.
– Да мы ведь слышим, слышим какое-то женское нытье! – крикнул сильно косящий мужчина. – Точно у тебя тут девка!
– Да чтоб его!
– Вот же не везет!
Разочарованно уставились на старуху. Не на это они надеялись, не на это рассчитывали. Они, видимо, и до этого были злы, но, обнаружив в доме лишь старуху, окончательно взъярились.
– Проклятая старая ведьма! – заревел один из бандитов. – Кончай ныть!
– Чокнутая, – подтвердил другой, повыше. – Командир, что будем делать?
Названный командиром вожак мародеров смотрел на женщину с презрением.
– Я ее успокою, – прошипел он.
Ударил мечом, блеснула сталь.
Бабушка рухнула на деревянный пол, смолкла. Потом поняла, что с ней сделали, и зарыдала еще громче.
Бандиты заржали.
– Что-то не вышло у тебя, командир!
Ржали как пьяные над страданиями старухи, над сочащейся из обрубка кровью. Акинобу тоже чуть не закричал, но не смог. Его парализовало.
Зато его отец решил действовать.
Он схватил стоящий у стены меч, блеснула сталь. Бандиты стояли спинами к нему, но услышали движение.
Обернулись, чтоб парировать атаку – но напрасно! Ступня, проклятая распухшая ступня отца подвела его в самый неподходящий момент.
Мужчина сделал шаг вперед... и закачался, когда нога отказалась подчиняться. Он упал на пол, а меч выпал из его руки.
Это еще больше развеселило бандитов.
– Старый дурак, тебя даже собственное тело не слушается! – насмехались они.
Их командир передал свое оружие косому, потом нагнулся и поднял меч отца.
– Прекрасная работа... и эта цуба! Асигару и мангут, сплетенные в схватке! Ты воевал с мангутами, старик?
– Если и да, то лет сто назад! – засмеялся высокий.
– Это там тебя ранили в ногу... и отсюда эти проблемы со ступней? – мягко спросил главарь. – Так позволь, я тебе помогу!
И он замахнулся для удара отцовским мечом.
Акинобу больше не мог на это смотреть, нырнул под пол. Скорчился на земле, затыкая глаза и уши, как будто это могло уберечь его от реальности.
Но звуки, шумы долетали до него и так. И наконец он отважился открыть глаза и оглядеться.

Странный, хлюпающий звук. Это кровь, кровь протекала меж досок и капала на землю вблизи от того места, где он сидел. Кровь его отца и бабушки.

Он не мог просто ждать, пока оба они истекут кровью, надо было действовать! Он был мужчиной, как и его отец. Маленьким, но мужчиной!

Но сам он не смог бы справиться с тремя бандитами. Сам нет. Но в Воротах Сна был кое-кто, кто наверняка не испугался бы.

Акинобу прополз к противоположной стене, толкнул ее так, что доски немного отошли, позволяя ему вылезти. Когда же он оказался во дворе, то перескочил заборчик и со всех ног помчался к замку. К заполненному трупами резервуару.

Он бежал, что было сил, и вскоре остановился над обрывом. Горы трупов, ужасный смрад, что не глушила уже даже влага. Акинобу боялся, что Дух просто ушел, что покинул Ворота Сна. Но нет! Мужчина лежал там же, где и в прошлый раз. Лежал и пустым взглядом смотрел в грязное небо.

– Дух! – закричал Акинобу. – Дух!!!

Сначала воин, казалось, не услышал, но наконец чуть повернул голову, посмотрел на ребенка. Что-то блеснуло в его глазах.

– Это ты?.. – прохрипел он. – Я помню тебя.

– Ты должен мне помочь, Дух, помоги мне!

Лежащий оперся на руки, медленно поднялся, как будто заново изучая возможности своего тела. Сел.

Выглядел он теперь как мрачный владыка мертвых, тронем которого была гора изуродованных тел. Король разложения. Сёгун смерти.

– Дух, умоляю тебя! Мой отец, моя бабушка! Ты нужен им! – снова закричал Акинобу, исполняющий при этом жутком дворе роль просителя.

Кентаро взглянул на мальчика. Посмотрел и покачал головой:

– Оставь меня, дитя. Оставь меня в покое.

Акинобу не мог поверить! Тот, что ушел из рук смерти, вернулся к жизни, несмотря на раны, теперь попросту... отказывал? Не принимал боя? Так не поступает воин!

– Так не поступает воин! – громко произнес мальчик. – Слышишь?

– Оставь меня...

– Дух, я прошу тебя...

– Оставь, я сказал!

Дух смотрел на него с гневом и печалью. Он не был уже великим воином, лишь смешной, жалкой карикатурой на него. Не солдатом, а генералом могильных червей.

– Будь ты проклят! – крикнул тогда Акинобу, уже не в силах сдержать слез. – Проклинаю тебя, Дух! Ты подвел всех, понимаешь? Всех! Ты подвел товарищей. – Он указал на трупы. – Подвел меня... подвел свою госпожу! Ты заслуживаешь, заслуживаешь всего того, что с тобой случилось!

Кентаро опустил взгляд; молчал.

– Оставь меня, – сказал он наконец.

Мальчик и не собирался дольше сидеть на обрыве. Дух был лишь тенью самого себя, а отец и бабушка все так же нуждались в помощи. Он вскочил и побежал обратно в деревню.

Раз уж воин не хочет ему помочь, то ему самому придется встать на защиту своей семьи. Он бежал к постройкам. Лил дождь, грязь хлюпала под его босыми ногами.

Девочек не оказалось, но у старого калеки нашлась другая, столь же ценная вещь – саке!

Оказалось, что у мужчины не было риса, рыбы, мяса или зерна, зато был целый склад алкоголя. Так что бандиты растянулись посреди помещения, открыли бутылки и пили в свое удовольствие.

Они уже совсем не обращали внимания на отца, который отполз в сторону, разорвал кимоно и перетянул раненую ногу так, чтоб остановить кровотечение из обрубка. Потом так же перевязал и тихо стонущую бабушку. И просто ждал, лишь изредка с сожалением бросая взгляд на бандитов, уничтожающих его склад sake.

Его черный меч они вернули в ножны и снова прислонили к стене. Заберут ли они его с собой, когда пьянка им наскучит? Отца это, вообще говоря, ничуть уже не волновало.

Волновал его сын. Акинобу – ждал ли он до сих пор под полом, видел ли это все? А может быть, сбежал?

Лишь бы сбежал, думал отец.

Он недооценил сына.

Акинобу встал на пороге. Хоть его щеки и были мокрыми от слез, сейчас он уже не плакал, а гордо смотрел на бандитов.

– Прочь отсюда, мерзавцы! – закричал он.

Отец захромал к свету, протянул к ребенку руку.

– Сынок, не...

– Я защищу вас, тебя и бабушку! – твердо ответил Акинобу. – А вы вон!

Бандиты, раскрасневшиеся от спиртного, посмотрели на мальчика и... засмеялись.

– Ну надо же, погибель наша пришла! Что, обезьянка, станцуешь для нас? Или расскажешь что-нибудь забавное?

– Давайте заберем его, будет нашим талисманом, – предложил косой. – Такой смешной ребенок развеселит каждого!

Акинобу сжал губы, глянул в сторону. Черный меч в ножнах, опертый о стену.

Он бросился к оружию, схватил его, выдернул из ножен.

– Эй, говнюк, это мое! – закричал ему вдогонку командир, но Акинобу уже был снаружи, во дворе. Стоял там с мечом в маленьких ладонях. Клинок дрожал, потому что мальчик едва сумел его поднять. Но он смело смотрел на бандитов, готовый убивать, когда те приблизятся.

– Отважная маленькая обезьянка, – сказал высокий и жилистый, встав на пороге с собственным оружием.

– Убьем его? – спросил косой.

Командир помотал головой.

– Нет, – коротко ответил он.

Спрятал свое оружие, спустился с крыльца в грязь.

Акинобу атаковал.

Он бросился на мужчину, нанося высокий вертикальный удар. Думал, что сможет разбить череп невооруженному, но тот лишь уклонился и шлепнул его сбоку по голове раскрытой ладонью. Когда удар попал в ухо, в голове засвистело, Акинобу поскользнулся в грязи и упал.

Бандит с легкостью вытащил меч из его пальцев, потом хлестнул им ребенка по спине плашмя, раз, другой и третий.

«Не буду плакать! – думал мальчик, принимая все новые удары. – Никогда больше не буду!»

Командир утомился, плюнул на Акинобу и повернулся к своим.

– Вот так воспитывают непослушных ублюдков! – крикнул он. – Заберите его внутрь...

Интересно, если его напоить sake, он успокоится?

Подручные спустились с крыльца, потянулись к мальчику.

– Оставьте его!

Это был какой-то новый голос. Тихий, но грозный. С одной стороны, полный спокойствия, а с другой – как будто железо заговорило.

Мужчина стоял у входа во дворик. Выглядел трагично – одежда, когда-то, без сомнения, бывшая военной формой, сейчас была разодранной, грязной от глины и старой крови. Лицо его было измученным, а глаза странными; с одной стороны, холодными, а с другой – тлея в них какая-то необузданная ярость.

Оружия у него не было.

– Иди отсюда, оборванец! – закричал жилистый.

– Вот именно, – холодно добавил старший. – Иди отсюда! Мой друг тебе верно советует.

– Нет, это вы уйдете. Оставьте мальчика, оставьте в покое его дом, заберете своих дружков и уйдете.

Бандиты заржали.

– Бродяга еще будет нам приказывать!

– Вы только гляньте!

На шум к хате подошло еще несколько бандитов. Несколько человек наблюдали происходящее из соседских дворов, ожидая, что произойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.